СОЛДАТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

О ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ БЫВШИМЪ ТОВАРИЩАМЪ — СОЛДАТАМЪ.

ЛЬВОВИЧА.

I. СТЕПЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

по мойкѣ № 5.

1875.

СОЛДАТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ОБЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ БЫВШИМЪ ТОВАРИЩАМЪ—СОЛДАТАМЪ.

ЛЬВОВИЧА.

I. СТЕПЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

ПО МОЙКѢ № 5.

1875.

СТЕПЬ.

Вотъ мы пѣсню заведемъ,
Какъ въ степи мы тутъ живемъ.

1) Сборы въ походъ и выступленіе.

Въ 1867 году мы въ городѣ Оренбургѣ стояли. Только приказали намъ, братцы, чтобы выступать въ походъ въ степь. Въ степь, да въ степь, только и разговору было что въ степь. А что это за птица, за диковина такая степь никто не зналъ толкомъ. Кого ты не спроси про эту степь—ничего путнаго нѣту. Одинъ говоритъ, что тамъ бѣда, а не жизнь; другой сказываетъ, что тамъ очень ужъ походами да работой донимаютъ; третій болтаетъ, что тамъ и русскихъ-то вовсе нѣтъ, а одна орда татарская да киргизы. То-есть, куда ты не повернись, кого не послушай — одна дрянь, а хорошаго ни единаго словечка даже не услышишь.

Человѣка знающаго да бывалаго не попадалось, что бы съ нимъ разговоръ какой имѣть,— такъ намъ и привелось какъ въ омутъ какой собираться. Повѣсили мы головушки. «Ну, молъ, братцы, плохо видно наше дѣло: про степь-то все неладное болтаютъ.—Видно нагулялся ты, парень, на волѣ по Руси матушкѣ, пожилъ на ладныхъ харчахъ,—теперь ужъ шабашъ тебѣ погуливать».

Походомъ-то насъ не удивишь: покрестили мы по Россіи порядочно, видали виды походные. А главная вещь въ нерусскую землю пришлось идти, далеко отъ русскаго народа забиваться. Сказывали которые, что тысячи двѣ верстъ туда идти. Опять же сторона тоже вовсе новая, незнакомая.

Ну да тамъ сколько не говори, а собираться требуется—походъ на носу. Роздали намъ вещи на руки: сапоги съ кавказскими длинными голенищами, полушубки, штаны— кому черные, а кому сѣрые суконные.

Стали мы готовиться. Лишнія вещи, которыя были, пораспродали, кой чего на дорогу припасли: табачку тоже взять нужно, сапоги сшить про запасъ, сумочку смастерить — то да се, другое прочее.

Собрались мы, отписали родителямъ письма— не безъ того тоже, чтобы денегъ попросить. Солдатъ гораздъ — зря письма къ отцу съ матерью не напишетъ. Сколько у стариковъ денегъ въ мошнѣ, ему все одно, — все денегъ прислать проситъ. Того не знаетъ, можетъ у родителей-то шишъ одинъ въ карманѣ.—Гдѣ имъ взять? Тоже семья, прокормить нужно, да подушныя, да поземельныя, смотришь и нѣтъ ничего. А солдатъ все наровитъ, какъ бы рублишко - другой выманить. Кабы совѣсть была, такъ не сталъ бы просить— самъ бы промыслилъ про свою голову, — а то у насъ совѣсть-то собаки въ оврагъ сволокли....

Ну вотъ совсѣмъ собрались и день ужъ намъ

назначили, въ который изъ Оренбурга выходить за рѣку Уралъ. Это было осенью—ужъ сентябрь мѣсяцъ наступилъ. Самое походное время — потому не жарко и день большой—идти легко.

Приказали намъ одѣться къ смотру по походному. И чудно только было смотрѣть на солдатъ спервоначалу, пока не привыкли. На головѣ кепка въ бѣломъ чехлѣ и на затылкѣ къ ней фартукъ холщевый пришитъ—это отъ солнца, чтобы затылокъ не пекло. Полушубчишки коротенькіе, длинные сапоги, словно на охоту собрались. За спиной холщевый мѣшокъ съ вещами вмѣсто ранца,—точно какіе богомольцы съ непривычки то глядѣли. Зато ужъ просто больно—совсѣмъ свободно.

Осмотрѣли насъ и велѣли, чтобы завтра выступать. На другой день перешли мы за Уралъ и остановились на томъ берегу лагеремъ. Ну, теперь прощай ужъ родная сторонушка, Россія матушка. Богъ вѣсть приведется ли повидаться съ тобой еще разокъ. Уходимъ мы въ дальнюю сторону....

Вечеромъ пришли насъ провожать земляки товарищи, къ кому знакомые городскіе, а къ кому родственники, которые недалеко отъ города жили. А пуще всего бабъ набралось прощаться. Это ужъ вездѣ такъ: солдаты въ походъ—кто кругомъ толчется? Непремѣнно бабы. Извѣстно, на проводахъ не безъ того, чтобы не выпить. Грѣшнымъ

дѣломъ подгуляли, сердце заговорило и пошли разговоры, запѣлись пѣсни....

Хорошо вспомнить этотъ денекъ. Все же и мы солдаты не спросту уходили, и насъ пришли проводить, доброе слово сказать на дорогу, и насъ пожалѣли, гостинцу принесли.

И весело шли проводы. Вездѣ это на берегу кучки: тамъ закуску закусываютъ, тутъ чай пьютъ, здѣсь разговоры разговариваютъ, что будетъ, тамъ старину вспоминаютъ. Въ одномъ углу пѣсню заунывную затянули, въ другомъ по больше кучка собралась, да хватили съ бубномъ да тарелками удалую плясовую и пошли плясуны колѣна выкидывать. Да и какъ не повеселиться? Послѣдній разокъ, да наше, а чего завтра будетъ—Богъ вѣсть....

На другой день проводы ужъ по боку—потому нужно было къ выходу готовиться, укладываться да снаряжатся.

Все ужъ готово. Построили это насъ съ трехъ сторонъ, а въ серединѣ столъ поставили съ образами для молебна, бѣлой скатертью накрытъ и вода для водосвятья.

Пріѣхалъ генералъ. Честь мы ему отдали, поздоровался съ нами, поздравилъ съ походомъ. Потомъ молебенъ начался. Тепло молились солдатскія головушки, да и было о чемъ. За собой мы оставляли Русь православную, родину, а шли сами не знали куда.

Покрапили насъ святой водицей, построили по-

полувзводно, прошли мы церемоніальнымъ маршемъ мимо генерала, да такъ прямо и двинулись. Перекрестились мы послѣдній разъ на своей сторонѣ и пошли неоглядываясь. Чего солдату горевать? Солдатъ нигдѣ не пропадетъ. Въ степь — такъ въ степь, не мы первые туда шли: впередъ насъ сколько народу ушло, да вѣдь не плакали же. Такъ-то и мы: горько было разставаться, пока на мѣстѣ стояли, а какъ двинулись, такъ какъ гора съ плечь. Да и что тотъ за солдатъ, который къ мѣсту привыкъ, да слюни распускаетъ коли съ бабой прощается. Солдатъ—что птица перелетная: ходи изъ стороны въ сторону, вездѣ побывай, всего посмотри, всякаго дѣла отвѣдай,—тогда и сказывай, что службу видѣлъ солдатскую. А то на одномъ-то мѣстѣ сидя чего увидишь? И разсказать нечего будетъ какъ домой воротишься.

2) Первые дни въ степи.

Потянулись мы дорогой широкою, а за нами обозъ двинулся. Въ первый разъ еще намъ привелось съ такимъ обозомъ идти. Ротныя телѣги половина на лошадяхъ, половина на быкахъ идутъ, а вещи солдатскія всѣ на верблюдахъ.

Тутъ намъ впервой привелось хорошенько разглядѣть верблюда. Самая онъ несуразная скотина: худой да высокой, шея длинная, голова будто овечья, ноги словно палки здоровыя, только пятки у него больно большія. На спинѣ два горба,

одинъ позади другаго; есть у которыхъ одинъ горбъ—тѣ другой породы. И кажись звѣрь большой, а какой смирный. Вожаки эти киргизы что хотятъ съ ними, то и дѣлаютъ. Потянетъ онъ за веревочку, что въ носъ верблюду продѣта, да скажетъ: «чокъ, чокъ», верблюдъ припадетъ сейчасъ на колѣнки и ляжетъ на землю—тутъ съ нимъ что хочешь, то и дѣлай. Сѣдло на немъ изъ кошмы (въ степи войлокъ кошмой зовутъ) сдѣлано, на горбы ему надѣто. На это сѣдло въюки и привязываютъ, по обѣ стороны чтобы ровно было. И здоровъ этотъ верблюдъ таскать: пудовъ по шестнадцати претъ станцію и горя мало. А одногорбый—по ихнему наръ зовется—такъ тотъ двадцать и двадцать два пуда тащитъ. Завъючатъ такъ-то киргизы верблюдовъ, да и привяжутъ одного къ другому, они и вытянутся другъ за дружкой версты на двѣ, на три гуськомъ и тихо, тихо двигаются. Ну только что у него шагъ великъ, такъ даромъ что онъ будто еле-еле ноги передвигаетъ, а идетъ споро.

Какъ стали русскіе по степи ѣздить, такъ верблюда выучили въ телѣгѣ ходить. Только неладно впрягаютъ. Привяжутъ ему на холку либо хомутъ, либо сѣделку одну, да потомъ отъ оглобель веревки и протянутъ верблюду на загривокъ, черезъ сѣделку и переведутъ. А если съ хомутомъ, такъ къ гужамъ привяжутъ. Онъ и тянетъ за веревки-то. Только ужъ если подъ гору спускаться—такъ ему дрянно: сзади напираетъ телѣгу-то,

а сдержать ему нечѣмъ, онъ и идетъ пока его передкомъ по ногамъ не ударитъ. Какъ тронуло—тутъ ужъ только держись—пошелъ верблюдъ подпрыгивать.

Ѣзжалъ я на нихъ верхомъ. Сколь смѣху было, какъ я въ первый разъ на него забрался. Сидишь высоко-высоко, словно на каланчѣ какой, качаешься. А онъ какъ идетъ, такъ все на переднія ноги припадаетъ, словно будто тыкается. Ну тебя и раскачиваетъ то взадъ, то впередъ. Спервоначалу-то неловко казалось, а потомъ попривыкли, такъ на верблюдѣ покататься за удовольствіе считали. Чего тебѣ? сидишь на немъ, какъ на стулѣ, ножки свѣся, знай трубочку покуривай. Одно только долго сидѣть на немъ неладно: очень качаетъ проклятый, ко сну тебя такъ и клонитъ, такъ и клонитъ. Бѣгать онъ очень здоровъ. Бѣжитъ иноходью, да такъ толи улепетываетъ, что лошади съ нимъ не сбѣжать. Ужъ тутъ только на немъ держись, какъ почнетъ помахивать, куда подбрасываетъ.

Верблюдъ въ степи самая сподручная скотина. Кормомъ не брезгуетъ,—все ѣстъ. Нѣтъ сѣна, или травы—онъ камышъ жуетъ, а то съ кустиковъ вѣточки обгрызаетъ. А пуще всего колючку любитъ. Пришолъ киргизъ на мѣсто, сейчасъ развъючилъ верблюдовъ, замоталъ имъ поводья на шею и погналъ въ степь кормиться до завтра, чѣмъ Богъ послалъ. Выйдетъ дорога по такимъ мѣстамъ, что воды нѣту, по безводнымъ степямъ,

по пескамъ. День идутъ — нѣту воды, два дни идутъ—нѣту, только на третій день другой разъ до колодцевъ дойдутъ,—верблюдъ все идетъ, непивши. Колючки поѣстъ и ладно,—не какъ лошадь, — та одинъ день не попьетъ, такъ языкъ высунетъ. Съ того киргизъ его и держитъ, что самая степная скотина. Ему безъ верблюда никакъ нельзя. Когда киргизы караванами ходятъ, съ товарами, такъ въ день они верстъ по 60 дѣлаютъ. Идутъ себѣ потихоньку да идутъ.

И тянется караванъ вдоль по степи мѣрнымъ шагомъ. Верблюдъ ногу ставитъ мягко, не слышно, на шеѣ у которыхъ колокола висятъ — тихонько побрякиваютъ. Киргизъ въ острой шапкѣ сидитъ на горбу на переднемъ верблюдѣ, правитъ, да раскачивается, пѣсню свою заведетъ киргизскую. Далеко растянется обозъ; которые верблюды по дорогѣ идутъ, которые по сторонѣ—мѣста въ волю, гладко, ровно.

Сперва подъ Оренбургомъ по Уралу шла травяная степь. Тутъ какія мѣста—богатство! Трава выше пояса, вся разными цвѣтами поросла. Такъ цѣлыми полосами и убрана: то желтый цвѣтъ, то синій, то бѣлый. Духъ какой отличный, птицы сколько! А дальше пойдутъ мѣста другія, другая степь, ковыльная. По степи далеко видно. Идетъ она — степь, какъ бы сказать валами, такъ себѣ перекатывается легонько по холмочкамъ. Слѣва видно горы, а прямо передъ тобой вьется дорога—да такъ и бѣжитъ впередъ, что

глазомъ невидно. Вся степь ковылемъ поросла. Ковыль, словно чесаный ленъ на солнышкѣ колышется, словно рѣка какая золотистая переливается.

Какъ посмотришь на эти мѣста, на эту широкую да раздольнюю степь матушку, такъ даже тебѣ радостно станетъ на сердцѣ. Мѣсто совсѣмъ хорошее, привольное. Просторно, корму вдоволь. Дорога гладкая, да мягкая. Гуляй тутъ вмѣстѣ съ вѣтромъ вольнымъ, съ птицей перелетною, съ волкомъ дикимъ, съ ястребомъ. Распѣвай тутъ пѣсню вольную, молодецкую, съ удалыми перекатами. Есть гдѣ разгуляться! Посмотришь это кругомъ, и сколько разной твари созданной по степи ходитъ, питается. Атары овецъ не по одной тысячи головъ пасутся кругомъ. Верблюды табунами кормятся. Косяки лошадей ходятъ; корова, коза, все питается отъ степи. Тутъ возлѣ стадъ да табуновъ и киргизы живутъ въ кибитках въ своихъ. Вольно имъ тутъ!

Ужъ больно эти степи весной хороши! Какъ только снѣгъ сойдетъ, такъ сейчасъ палы начнутся. Соберется къ ночи народъ и запалитъ сухую траву по вѣтру. Словно порохъ вспыхнетъ сухая трава, побѣжитъ огонь по степи, все шире да шире разходится. Вся степь въ полыми, будто какъ огненная рѣка какая переливается ночью, во всѣ стороны языками ползетъ. Далеко видно зарево отъ пала, небо все красное станетъ. И подымется же горячка по степи у звѣря да у птицы

степной, Господи Боже Ты мой, какая! Весной въ степи птицы много. Вьются это онѣ надъ пламенемъ-то, кричатъ, летаютъ зря съ перепугу. Много птицы такъ-то въ огнѣ погибаетъ. Которую сонную захватитъ вдругъ огнемъ, опалитъ сразу ей перья, такъ и сгоритъ. Звѣрь степной бѣжитъ сломя голову, полоумный, а за нимъ огонь гонится: волки несутся, зайцы скачутъ; другой разъ на табунъ лошадей, или на скотину пламень набѣжитъ—та схватится бѣжать, реветъ... На другой день вся степь черная, точно поле вспаханное. Ударитъ дождемъ—и зазеленѣетъ она вся, какъ ковромъ какимъ покроется.

Ну, а другой разъ съ этими палами и грѣха большаго наживаютъ. Зажгутъ это степь-то, а вѣтеръ возьми да и повернись, или какъ въ сторону его броситъ,—огонь сейчасъ подхватитъ и пошелъ куда его вовсе не требуется: налетитъ на поле, на стогъ, на гумно, а то и на деревню бывало — тутъ ужъ бѣда.... Оттого ежели близко степи есть строенье какое, или гумна, такъ жители ихъ сначала опаливаютъ. Выйдутъ съ метлами, зажгутъ траву и идутъ такъ рядомъ съ огнемъ, метлами тушатъ, не пускаютъ огонь. Такъ кругомъ обойдутъ, опалятъ поясомъ, тогда ужъ и степь запаливаютъ.

И трава же растетъ только въ такихъ степяхъ—на удивленье! Покосы лучше бываютъ, чѣмъ на поемныхъ лугахъ. Къ Казанской земляника да клубника поспѣетъ, и такая ея пропасть, что

цѣлыя полосы, да луговины красныя, точно цвѣтомъ какимъ покрыты. Ну а потомъ лѣто настало—ужъ степь другая станетъ: трава вся повыгоритъ, испечетъ ее солнцемъ, маръ стоитъ. Развѣ что осенью ее дождичкомъ пробьетъ, такъ опять травка нѣсколько подымется.

Ежели степь чисто ковыльная, такъ она все лѣто одна. Ковыль трава мелкая, пушистая, — она не сгоритъ на солнцѣ такъ, какъ другая трава.

5) Степныя птицы.

И сколько въ степи птицы разной! Какой только нѣту. Жаворонки эти, овсяночки, малиновки, разная пташка поетъ—распѣваетъ, не нарадуется. По ковылю перепелки видимо - не видимо. Особливо эта перепелка къ осени сюда сбивается, потому ей тоже къ походу готовиться нужно.

Другая птица—къ примѣру утка, гусь, али журавель—она весной къ намъ прилетѣла, а осенью собралась, какъ подхватила, такъ и полетѣла прямо въ теплыя страны, на теплыя моря.

А перепелка птица другая. Летитъ она рѣдко, когда ей черезъ лѣсъ, черезъ болото, или черезъ море нужно перелетѣть. А по землѣ она пѣшкомъ больше любитъ бѣжать. Въ степи ей воля, мѣсто ровное, бѣги сколько угодно. Она, какъ осень настала, и пошла сбираться на степь. Столько ее тутъ бываетъ, бѣда! Она по травкѣ-то, не плошь солдата, бѣжитъ. Кормится и бѣжитъ,

кормится и бѣжитъ, все дальше на полдень. Какія вѣдь станціи ломаетъ.

Ну а тамъ, если ужъ она до моря дошла, должна летѣть. Она и сбирается на берегу. Собьется ее тамъ непробойная сила, и ждетъ когда вѣтеръ попутный подуетъ. Вѣтеръ подулъ — она и поднялась. Черезъ море перепелка большими стаями летитъ, кучей, какъ облако. Если вѣтеръ ей по пути дуетъ, она, хоть и трудно, а летитъ. А какъ поднялся встрѣчу — тутъ ужъ ей не сладить: налетитъ на островъ какой, ну ладно, а нѣту — такъ вся въ морѣ потонетъ.

Въ степи и птица степная, и звѣрь все степной водится. На каждомъ мѣстѣ свое животное, свое растенье. На черноземѣ сосна не вырастетъ, на пескѣ иву не разведешь. Въ Тверской губерніи арбузъ расти не можетъ, а въ Астраханской клюквы нѣтъ. Такъ-то и звѣрь, и птица, и козявка какая, все свое мѣсто знаетъ. Какія мѣста, такой и житель. Если степь пошла — то ужъ и животное такое, что ему въ степи жить. Здѣсь и овца другая, и лошадь особенная, и дикій звѣрь свой, и птица — все степное. Съ того такъ они и зовутся: степная лошадь, степная лиса, степной куликъ, все это разница. Степняка спроси, какая птица въ степи? Дрофа, стрепетъ, турухтанъ, степной куликъ, скажетъ. Все такая птица, что просторное мѣсто любитъ, сухое, открытое. И много же ее тамъ!

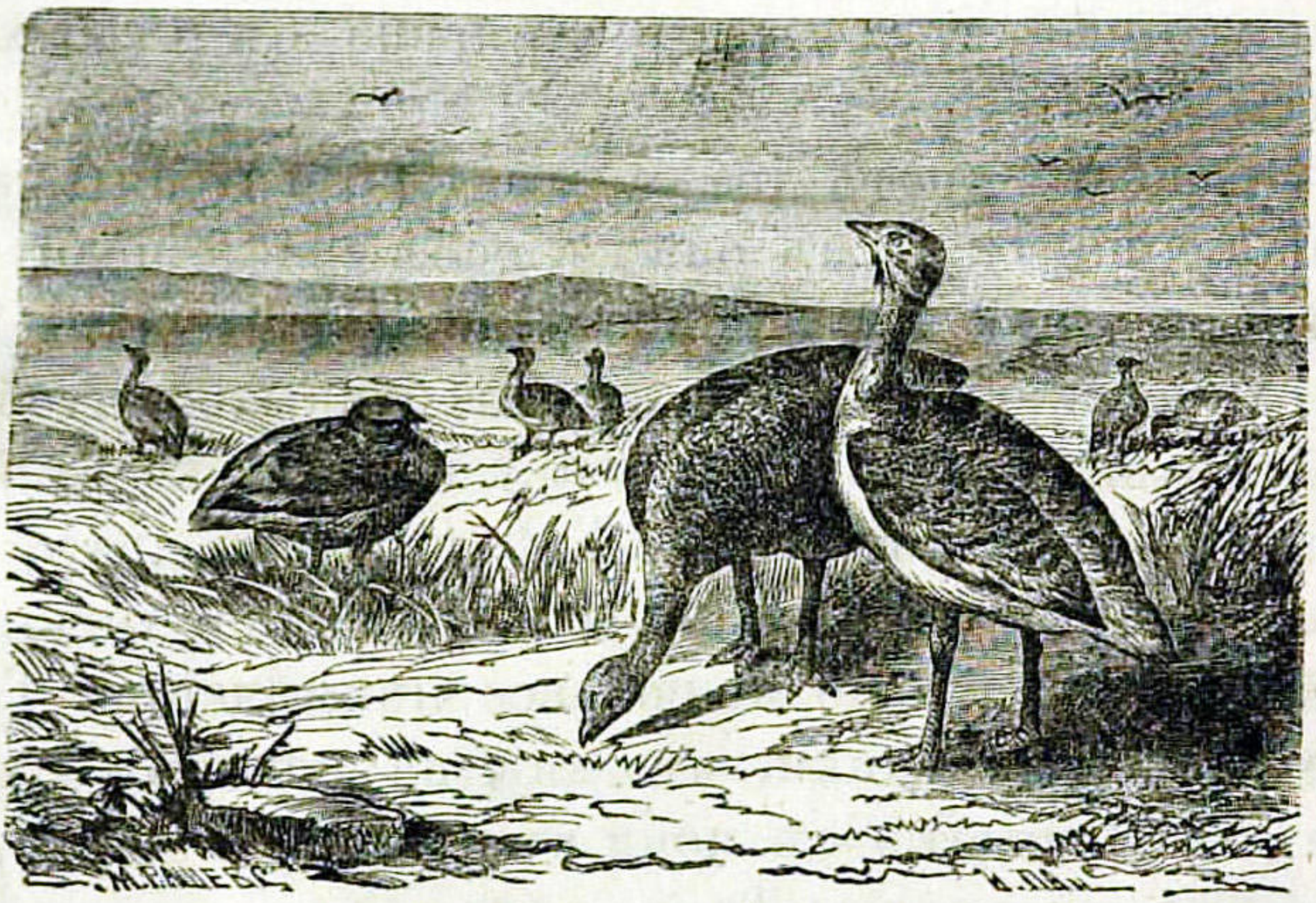
Дрофа (ее еще дудакомъ зовутъ) птица боль-

шая, другой разъ до пуда вѣсомъ бываетъ. Перо у ней желтоватое съ рябью. Ноги здоровыя и бѣгаетъ она такъ, что не всякая собака догонитъ, а человѣку куда. Я помню, мы вдвоемъ съ другимъ охотникомъ за ней припустились во всю мочь бѣжать, — такъ она намъ только хвостикъ показала: такъ бѣжитъ, что ногъ не видать, точно стелется. Самка много меньше самца и у ней бородки нѣтъ изъ перьевъ, какъ у самца. Летитъ дрофа ровно и скоро. А вотъ съ земли сразу подняться не можетъ. Теперь если ей летѣть, она разбѣжится нѣсколько, прыгнетъ это раза три, ну тогда и полетѣла. Любитъ она возлѣ полей водиться, потому на нихъ она и пищу имѣетъ, и гнѣздо ей ловко въ хлѣбахъ вить.

Сторожка дрофа такъ, что другой птицы такой не найти. Ужъ она къ себѣ зря не подпуститъ, къ ней такъ спросту не подойдешь. Съ того она и любитъ степь, да поле открытое, чтобы далеко видно было. И глаза у ней только — неплошь какъ у киргиза. Гдѣ еще завидитъ, а ужъ знаетъ что такое. И ходитъ она, хоть по степи ли, хоть по полю—все примѣчаетъ. Теперь есть охотники, что ямы на поляхъ выры-ваютъ. Засядетъ съ ночи въ яму и ждетъ когда прилетятъ дрофы. Такъ вѣдь нѣтъ, увидятъ. Коли бугоръ какой явился—ни за что не подойдутъ. Вотъ опасливая птица.

Или тоже на счетъ человѣка — разума у ней

сколько. Иди мимо крестьянинъ какой по своему дѣлу, али киргизъ поѣзжай — ничего. Возьми ружье—кончено, не подпуститъ. Охотники ужъ что другой разъ дѣлали: возьметъ въ крестьянскую одежу одѣнется, да и идетъ ружьемъ, словно подожкомъ, попирается. Такъ вѣдь разберутъ: какъ поближе сталъ подходить—такъ и признаютъ. А ежели человѣкъ безъ умысла идетъ—не пугаются. Съ подъѣзду, на телѣгѣ—онѣ проще. Потому за ними такъ и охотятся больше: сядутъ въ телѣгу и ѣдутъ стороной, будто мимо. Только виду не показывай, не смотри на нее, а то сейчасъ смѣтитъ.

Больно чудно у нихъ токовище идетъ. Самцы словно индюки надуются, всѣ перья подымутъ, какъ шары какіе, такъ и катаются по степи,

схватятся драться. Ужъ онъ и прыжкомъ и скачкомъ — все одолѣть другого-то охота. Потомъ, какъ разберутъ самокъ и разойдутся парочками.

Дрофа гнѣздо на землѣ вьетъ, въ ямочкѣ и кладетъ только пару яицъ. И такъ она крѣпко сидитъ на гнѣздѣ—страсть. Если замѣтитъ что человѣкъ къ ней идетъ, то припадетъ къ землѣ, спрячется, а то такъ потихоньку сбѣжитъ съ гнѣзда, да въ сторонѣ и вылетитъ, чтобы отвести. Тронь теперь у ней яйца, и сидѣть не станетъ, гнѣздо броситъ. Выведутся у дрофы цыплята, такъ кажется такой матери не найти, какую она объ нихъ заботу имѣетъ. Ловитъ имъ козявокъ, жучковъ, кузнечиковъ, прячетъ, холитъ, такъ бережетъ, Боже Ты мой. Ужъ тутъ она и сторожитъ же!

Разъ что было. Напалъ стрѣлокъ на выводку. Уйти некуда. Такъ самка выскочила это впередъ и побѣгла. Охотникъ-то поторопился, бацъ въ нее изъ ружья; она перевернулась разъ, поднялась нѣсколько, полетѣла, да и пала на землю. Охотникъ къ ней. Видитъ у дрофы одно крыло по землѣ тащится и нога повреждена--храмлетъ. Онъ догонять, она это ковыляетъ отъ него побѣжитъ. да и припадетъ—силы у нея нѣтъ. Отдохнетъ немного, опять бѣжать. Охотникъ за ней слѣдомъ бѣжитъ, думаетъ вотъ-вотъ схватитъ. Только что бѣжала она, бѣжала, да какъ схватится летѣть, будто ничего и не было. Такъ тотъ и ротъ разинулъ. А она это представилась,

что будто подстрѣлена, чтобы отъ дѣтей только увести. Вотъ догадка какая у птицы. Птица она—а какое чувство материнское имѣетъ, объ дѣтищѣ своемъ старается.

Дрофа ростетъ долго, года четыре ростетъ. И дѣло какое: коли она молодая, цыпленокъ еще—ѣстъ жучковъ да кузнечиковъ; выросла — зерномъ да травкой кормится. Осенью дрофа въ огромныя стада сбирается, по нѣскольку сотъ штукъ. Стадо гуляетъ, а нѣкоторыя какъ будто часовыми стоятъ, кругомъ смотрятъ. Раскинутся онѣ по степи-то, словно бараны какіе ходятъ—очень ужъ крупны.

Стрепетъ ковыль любитъ. Его если гдѣ искать — иди въ ковыльную степь. Стрепетъ по складу на дрофу походитъ, а величиной съ тетерева такъ будетъ, только что онъ ростомъ повыше, да перо у него другое. Онъ желтый, съ черной рябью. Шея черная, съ двумя бѣлыми ошейниками. На крыльяхъ и въ хвостѣ опять есть бѣлое перо. Самка вся рябая. Если стрепетъ летитъ, такъ точно бѣлая куропатка лѣтомъ, такая-же рябенькая, бѣлымъ отливаетъ. На солнышкѣ онъ словно серебряный кажется. А коли летитъ, то звенитъ, ровно бубенчикъ какой, — съ того его стрепетомъ и прозвали.

Стрепета въ степи пропасть. Бѣгать онъ ужасно здоровъ. Съ весны, какъ прилетятъ они на степь, ходятъ штукъ по двѣнадцати, а тамъ разобьются на пары дѣтей высиживать. Какъ

выростутъ цыплята, тутъ они въ стада соберутся и ходятъ по степи, питаются разной козявкой, жучками да червячками.

И бѣда онъ сторожкой тоже. Гдѣ завидитъ охотника и уйдетъ по ковылю-то—его не видно, а то улетитъ. Потому за нимъ тоже съ подъѣзду охотятся, на телѣгѣ, какъ за дрофой. Стрепетъ телѣги не боится, близко подпускаетъ; только что шейку вытянетъ это и смотритъ. Если ужъ вплоть къ нему наѣхать, онъ сейчасъ къ землѣ припадетъ,—такъ все стадо и лежитъ притаится—его невидно. Ну тутъ слѣзай, да и иди къ нему, ужъ ему уйти некуда. Который стрѣлокъ ловкій стрѣлять, такъ онъ безъ пары отъ стаи не уйдетъ: на землѣ убьетъ, да на лету сшибетъ одного,—вотъ охота и не пропала. Наши солдатики-охотники и такъ въ другой разъ убивали, пѣшкомъ ходили, да наслѣживали. Очень вкусный этотъ стрепетъ — ѣсть его. Мясо у него бѣлое, мягкое, точно у цыпленка молодаго.

Степной куликъ прилетаетъ въ степь рано: черезъ недѣлю послѣ Егорьева дня онъ ужъ гнѣзда вьетъ по степи. Ихъ три породы: большой — тотъ съ курицу будетъ, а маленькій съ голубя. Перо у него сѣрое, ноги длинныя, носъ тоже длинный и книзу крючкомъ загнутъ. Свистъ у него сильный съ переливами. Коли много ихъ соберется, такъ какую музыку подымутъ. Степной куликъ очень пугливъ. Къ нему подойти никакъ нельзя—убѣжитъ. и не увидишь

куда. Особенно съ прилету они очень сторожки. Ну, а начнутъ гнѣзда вить; тогда посмирнѣе станутъ. Гнѣздо вьютъ на землѣ; если гдѣ сухое моховое болото—очень любятъ. На гнѣздѣ и самка и самецъ поперемѣнкѣ сидятъ.

И бѣда они гнѣздо берегутъ! Теперь если охотникъ сталъ подходить, куликъ ему сейчасъ встрѣчу летитъ, вьется, кричитъ, кругомъ садится, бѣгаетъ. Пошелъ за нимъ охотникъ, онъ такъ передъ нимъ все и юлитъ, и бьется — уведетъ отъ гнѣзда подальше и броситъ, улетитъ. Какъ если гдѣ ихъ много, такъ сколько ихъ налетитъ, кругомъ все вьются, кричатъ; одни бросятъ, другіе на перемѣну вылетятъ, такъ и провожаютъ человѣка. Все имъ охота до гнѣзда чтобы недопустить, да увести въ сторону. Много этого кулика весной погибаетъ, когда палы пойдутъ. Они на яицахъ сидятъ, а тутъ степь зажгутъ: ну всѣ гнѣзда и разорятъ у нихъ, да еще сколько и птицы самой сгоритъ.

Очень чудно смотрѣть какъ этотъ куликъ воду пьетъ. Носъ у него кривой, ему пить нельзя: какъ поднялъ голову—вода сейчасъ и выльется назадъ. Такъ онъ какъ изловчается, и неразсказать: голову изъ подъ ноги проноситъ, изовьется весь. Прямо нельзя, такъ хитростью доходитъ.

4. Походная жизнь.

Шли мы такъ-то степью не одинъ день и не два. Идти было ладно. Переходы небольшіе, вѣтромъ

тебя обдуваетъ, воды вволю. Идти вовсе не тяжело, на ночлегъ придешь рано—и отдохнуть успѣешь, и ужинъ вовремя сварить. А солдату чего больше надо? Только что на счетъ дровъ извините—навозъ жгли. Въ степи кромѣ что мелкой травки ни одного деревца нѣтъ, ни кустика. Огонь разводили изъ сухого навоза — кизякъ зовется. Солдаты такъ ужь это и знали: какъ станутъ къ стоянкѣ подходить, такъ и разойдутся по степи кизякъ собирать.

Въ степи, даромъ что во всѣ стороны гладко, тоже станціи соблюдаются, и киргизы всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ остановку дѣлаютъ. Потому возлѣ стоянокъ всегда и кизяку много, и сбирать его легко. Версты за полторы этакъ до ночлега бывало какъ начнешь сбирать—пока дойдемъ до мѣста-то, у всякаго почитай что полонъ подолъ кизяку. Сперва-то было смѣялись, что навозъ собирать въ полу приходилось, да на немъ пищу варить; а потомъ разглядѣли, такъ ровно такъ и быть надо, и не думаешь — ходишь по степи, точно грибы собираешь, да еще наровишь все какую штуку покрупнѣе найти. Кизякъ, коли онъ сухой, горитъ жарко, споро. Вотъ если сырость—ну тогда онъ дымить начнетъ, и вода отъ него запахъ получаетъ.

Такъ-то вотъ идемъ путемъ дорогой дней девять, сколько верстъ ужъ отмахали, а степь все одна и за нами и, впередъ насъ — все такая же

гладкая, да ковылемъ поросшая. Куда не оглянись — ни единаго деревца, хоть бы издали посмотрѣть.

Стали солдатики въ походъ помалости втягиваться, догадываться что неладно, чего нѣту. Извѣстно, который человѣкъ бывалый, походный — тотъ обо всемъ схлопоталъ; ну а были такіе, что походъ въ первый разъ увидѣли, такъ имъ тяжело приходилось. Къ походу привыкнуть нужно, втянуться. Если человѣкъ походный и тотъ въ началѣ кряхтитъ, пока не разошелся еще, а первачку, тому совсѣмъ туго.

Въ походѣ не то что на мѣстѣ: тутъ каждый фунтъ въ счетъ идетъ — плечо давитъ; каждый ремешокъ, коли не ладно пригнанъ — третъ до крови. Такъ и сказались многіе: у кого того нѣтъ, у кого другого; тамъ неловко, тутъ нехорошо. Коли запасливый солдатъ, да ужъ знакомый съ дѣломъ-то, такъ тотъ сейчасъ догадался: длинные сапоги долой—потому въ нихъ и тяжело, и нога прѣетъ, и идти несвободно. А какъ надѣлъ легкій сапогъ, да стелечки подложилъ поакуратнѣй, такъ станцію идешь съ приплясомъ — и то ничего. Потому ногѣ легко, нигдѣ тебѣ не третъ, идти мягко, хорошо, словно въ лапоткахъ. Ну, а который объ себѣ не позаботился, такъ и пошелъ ковылять со второй станціи, а на стоянку прешелъ — ему и встать не охота.

Нога у солдата въ походѣ первое дѣло. Бере-

жешь ногу и самъ сбережешъ. А то вѣдь другой до чего смаялся—идти не могъ, на верблюда посадили. Старый служивый—тотъ на первой станціи подбился, мозоли намялъ, пятки отбилъ, онъ знаетъ что дѣлать. Сейчасъ, какъ пришли, натопилъ сальца, вымазалъ ноги на ночь, да и портянку насалилъ. Утромъ съ мягкой ногой пошелъ — какъ рукой сняло. А все съ того, что смѣтку имѣетъ человѣкъ, да не киснетъ, а объ себѣ заботится. За солдатомъ нянекъ да мамокъ нѣту, такъ и держись самъ, про себя и старайся.

Вышли мы еще по теплому времени, а потому дорогой суконные штаны сняли. Только вотъ съ полушубками очень мая была. Днемъ жарко — идти въ немъ бѣда, а снять его—дѣвать некуда. Опять если и холодъ — тоже съ нимъ неловко. На походѣ человѣкъ не зябнетъ, лишь бы вѣтромъ его не продуло. А залѣзъ въ полушубокъ — сейчасъ вспотѣлъ, — это ужъ не ходьба. Нѣтъ лучше въ походѣ, какъ надѣнешь если шинель въ рукава, а подъ шинель рубаху шерстяную, такъ въ родѣ какъ куртка сдѣлана, а то вязаную. Тутъ хоть какой буранъ, вѣтеръ — все нипочемъ. Вѣтеръ не продуваетъ, а идти легко, способно. Ни устанешь, ничего. Такъ лучше же я себя сберегу и себѣ удовольствіе сдѣлаю — ничѣмъ жалѣть стану рубля. Рубль-то такъ между пальцами пролетитъ—его и не увидишь, а по крайности я въ походѣ себя не мучаю, иду дорогой бодро, себя не томлю, и

службу могу справить какъ слѣдуетъ, и на станцію приду не уставши. Которые у себя имѣли такія рубахи, большое они себѣ облегченіе сдѣлали.

Такъ-то вотъ мы и шли, да учились, какую снаровку въ походѣ имѣть. Сейчасъ какъ бывало пришелъ до мѣста, да набралъ дровъ для кухни, то и котелки, а у кого чайники, грѣть для себя. Чай въ походѣ первая вещь. Придешь пріуставши, ѣда въ горло нейдетъ, а коли есть чаекъ, такъ только за нимъ и душу отведешь, новымъ человѣкомъ станешь, какъ его напьешься. Тамъ ужинъ еще когда сварятъ, да что,— а тутъ ты тепленькаго хватилъ и сухаря съѣсть захочется. Съ того мы всегда съ собой и котелки, и чай таскали.

Потомъ какъ вышелъ весь чай у насъ, такъ ужъ и обидно стало—привыкли. Придешь бывало на станцію тебя ужъ и тянетъ, чтобы тепленькаго выпить, а нѣту. Ну солдатъ не промахъ, догадливъ. Нашелъ одинъ какъ-то солодку, сейчасъ давай корни рыть, да варить. Узнали объ этомъ солдаты — искать. А ее по степи много ростетъ, корни здоровые, сваришь ихъ—словно сусло какое густое да сладкое. Вотъ молъ и чай, и сахаръ вмѣстѣ въ землѣ для солдата приготовлены. Долго такъ-то питались даровымъ угощеньемъ.

Спали мы на стоянкахъ на кошмахъ. Кошмы широкія, чтобы поперекъ на ней лежать можно

было. Такъ ихъ и везли на верблюдахъ за нами. Какъ станемъ на мѣсто, такъ вдоль козелъ съ ружьями ихъ и постелимъ. Сумки въ головы, шинелью сверху накрылся—солдату только и надо—спитъ себѣ, какъ на коечкѣ.

Съ чего солдатъ гладокъ?—поѣлъ да набокъ. Сами солдаты поговорку сложили, что не привередливъ служивый: хоть какъ нибудь и то не горюетъ. А въ походѣ это первая вещь.

5. Дневка возлѣ киргизскихъ зимовокъ.

Ничего идти степью, только что скучно коли долго, смотрѣть не на что, не чѣмъ себя поразсѣять. На девятый день стали мы къ станціи подходить. Версты этакъ за двѣ, за три вышли мы на пригорокъ, а въ логу станція стоитъ. Смотримъ, братцы, и глазамъ не вѣримъ: словно деревушка какая передъ нами. Деревья ростутъ, будто рощица маленькая, рѣчка бѣжитъ и домики видно. Обрадовались мы, что хоть жилье да деревцы увидали. А больше всего любопытно намъ было, потому тутъ намъ дневка была назначена, стало быть не середи степи отдыхать придется.

Подошли мы къ деревушкѣ. Мѣсто тутъ мочажинное, топкое—потому и лѣсокъ выросъ. И такъ онъ разросся, что непролѣзть: березка, ясень, кустарникъ разный, точь въ точь какъ у насъ на моховыхъ болотахъ. По мочажинѣ тра-

вы куча, кругомъ тоже все зелень. По логу рѣчушка бѣжитъ; на ней повыше еще рощица такая же.

Пошли мы смотрѣть какіе тутъ дома есть. Смотримъ да дивуемся—что молъ такое значитъ? Избушки изъ дерну состроены. Нарѣзанъ дернъ въ болотѣ, въ родѣ какъ кирпичи, да домушки изъ него и складены. Дырочки въ стѣнахъ понадѣланы, кругомъ будто дворъ стѣной обнесенъ, а никого нѣту. А это киргизскія зимовки. Въ нихъ киргизы лѣтомъ не живутъ, развѣ что есть у нихъ бахчи по близости, да покосы, ну такъ кто нибудь останется,—а то они съ весны какъ закатятся въ степь, такъ только къ зимѣ и вернутся. Киргизу на одномъ мѣстѣ стоять нельзя, потому у него скотины много. Онъ съ мѣста на мѣсто и ходитъ. Сталъ на мѣсто и живетъ тутъ покуда кормъ кругомъ есть. Поѣла скотина траву—онъ въ другое мѣсто идетъ. Такъ и кочуютъ вплоть до снѣгу. Къ зимѣ они на зимовки собираются и вплоть до весны на одномъ мѣстѣ стоятъ. Скверно имъ зимой то: и скотина, и сами отощаютъ бѣда какъ. Зато только ко снѣжокъ тронется, схватится киргизъ съ мѣста и залился опять въ степь. Тутъ у нихъ большой праздникъ бываетъ, съ радости что на вольные корма опять выходятъ. Да и какъ не радоваться! Поглядѣли это мы на зимовки-то ихнія: какъ только ужъ и живутъ они тутъ, на удивленье.

Поужинали мы и спать не охота, знаемъ что дневка завтра, рано вставать не нужно, какъ передъ праздникомъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ точно праздникъ вышла дневка-то. Очень ужъ рады мы были, что на привольномъ мѣстѣ отдохнуть привелось. Тутъ и полежать хорошо, травка мягкая, и солнышко не такъ печетъ возлѣ воды-то, и покупаться есть гдѣ, и бѣлье помыть можно, — словомъ совсѣмъ ладно. И, Господи! много-ли тутъ всего-то званія было, а и то удовольствіе, какъ въ голой степи десять денъ пробыли.

Утромъ на привольи каждый своимъ дѣломъ занялся: кто подметку подъ сапогъ подкидываетъ, кто заплату на рубахѣ мастеритъ, другой сумочку прилаживаетъ, — всякому свое. Пошли мы разгуляться. Зашли въ зимовки, — смотримъ, киргизы есть—траву на болотѣ косютъ. Мы къ нимъ. Тащи, говоримъ, намъ арбузовъ.

— Джаксы, говоритъ (по русски это ладно значитъ).

Часа черезъ два притащили намъ цѣлыхъ два мѣшка, только что арбузы мелкіе. Всѣ солдаты сбѣжались, такой базаръ пошелъ—бѣда! Даромъ что арбузы не больно красные, всѣ расхватали.

Передъ обѣдомъ намъ по полкрышки спирту выдали, послѣ обѣда спать завалились, къ вечеру такъ ли разгулялись—мое почтеніе! И какъ нарочно вечеръ такой тихій, славный выдался, народъ разговорился. А тамъ и пѣсни завели. И

пошли пѣсенники заливаться по степи на разные голоса: заведутъ заунывную—родина вспомнится; грянутъ молодецкую съ раскатами—душа расходится; а потомъ и развеселую ударятъ, плясуны ходить пойдутъ, только подсвистывай! Знай молъ нашихъ,—мы и середи степи лихо погуливаемъ, головы не вѣшаемъ. Солдату какъ жить? Какъ ни какъ неунывай только—все съ полагоря. Толи еще бываетъ....

6. Рѣка Илекъ.

Перевалили мы не очень высокія горы и черезъ два дня вышли въ долину, по которой рѣка Илекъ бѣжитъ. Тутъ мѣста отличныя пошли, поживѣе стало, будто и на нашу сторону маленько смахиваетъ. Рѣчка бѣжитъ широко, гладко; заводей да затоновъ по ней видимо не видимо. Мѣсто тутъ низкое, ровное, луга богатѣйшіе. По рѣчкѣ зимовки настроены, киргизы аулами кочуютъ. Приволье имъ тутъ. Берега всѣ сплошь зеленые, кое гдѣ и деревцы ростутъ, однимъ словомъ такія мѣста—хоть сейчасъ деревню строй.

И птицы тутъ сколько, дичи разной. По долинѣ озерокъ, канавокъ, болотъ до пропасти. Какъ ихъ съ весны затопило, такъ вода по сихъ поръ тутъ и держится, потому земля глинистая, сквозь себя воду не пропускаетъ. Болота кугой, осокой, да камышомъ поросли—самое тутъ привольное

для дичи житье. Особливо какъ мы шли въ осеннее время, птица въ стада стала собираться, къ отлету готовиться. А тутъ ее никто не пугаетъ, корму въ волю, она сюда и сбивается. Гусь, утка разная, кулики, журавли, турухтаны.

Поживились тогда наши охотнички возлѣ этихъ мѣстъ. Ужъ безъ дичи на станцію не придутъ бывало. Помается онъ не мало тоже по болотамъ; мы станцію сдѣлаемъ, а онъ полторы,—да за то, какъ станутъ ужинъ варить, онъ сейчасъ привяжетъ на веревочку дичинку, броситъ въ ротный котелъ и посиживаетъ, дожидается, когда уварится. Какъ поспѣла его дичинка, вытащитъ за веревочку и пошелъ закусывать.

И молодцы есть изъ этихъ охотниковъ ребята. Первое дѣло ходокъ—его ужъ не перейдешь; второе расторопный, ловкій—онъ когда хочешь про себя промыслитъ. Другіе потомъ, какъ пришли на мѣсто, такъ немало денегъ заработывали что за охотой промышляли. Очень есть которые ловкіе стрѣлять. И теперь ходитъ онъ за охотой, онъ все примѣчаетъ. Ты такъ зря идешь и несмотришь чего передъ тобой есть, а онъ все это знаетъ. Станетъ если другой разсказывать, какъ какая птица къ примѣру живетъ или звѣрь, какъ ихъ искать, да чего онъ видѣлъ, да слышалъ,—такъ что твою книжку читаетъ, любопытно послушать.

Хорошо было такъ-то идти намъ по Илеку.

Послѣ друхъ-то недѣль, что мы по голой степи шли, очень славно показалось, будто и пободрѣе идти стало, веселѣе.

А ночи все холоднѣй да холоднѣй становились. Днемъ, если солнышко свѣтитъ да, тучъ нѣтъ, такъ вѣдь какъ печетъ, идти совсѣмъ жарко. А какъ только солнце сѣло — то и холодъ. Другой разъ ночью такъ прохватитъ — мое почтеніе. Стали поэтому мы на ночь и сверху кошмами покрываться. Ляжемъ на кошму человѣкъ пятнадцать или двадцать, да другой и покроемся всѣ. Тепло такъ спать, только что тѣсно.

Коли очень ужъ холодно, такъ бывало только и ждешь какъ бы подъ кошму забраться, такъ и бухнешься въ чемъ есть. Думаешь, коли въ одежѣ, такъ и тепло будетъ, а выходитъ не такъ. Потому идешь ты днемъ—портянка сырѣетъ, ночью легъ, нога и озябла. Сапоги непремѣнно сымать надо: и нога отдохнетъ, и портянка просохнетъ, и сапоги продуетъ, да и ночью самому теплѣе, потому и закрыться ловчѣе можно, и ноги отъ сырой кожи не зябнутъ. На все своя смѣтка есть. Думаешь, что вещь небольшая, а ее тоже такъ зря сдѣлать нельзя. Походный человѣкъ во всемъ за собой блюсти долженъ, какъ ловчѣе, да лучше.

Переправились мы черезъ Илекъ, пошли той стороной по лѣвому берегу. Вотъ было реву у верблюдовъ, какъ въ рѣку вошли. Верблюдъ плавать не умѣетъ, онъ какъ ключь ко дну идетъ и

воды боится. Хоть и не глубока рѣчка была, а ему все неладно, все реветъ.

Дорога пошла по высокому берегу, косогоромъ. Поверху ковыль ростетъ, степь вся желтая оказывается, а внизу по рѣчкѣ все болота, да ручейки. Скоро ужъ намъ и на почтовый трактъ приходилось выходить.

Дней видно такъ за пять дорога повернула влѣво и пошла черезъ горы Общій-Сыртъ. Тутъ черезъ нихъ намъ другой разъ привелось переваливать. Вдоль дороги рѣчка какая то въ ущельи бѣжитъ. Ущелье узкое, такъ что дорога надъ самой рѣчкой идетъ. Берега всѣ тольникомъ да деревцами поросли. И столько тутъ зимовокъ киргизскихъ настроено — страсть. Такъ и лѣпятся по горѣ. Мѣсто тутъ для нихъ очень сподручно: и лѣсокъ есть, и ключей много, и за вѣтромъ совсѣмъ.

Дорога все въ гору да въ гору идетъ. Я съ товарищемъ охотникомъ и пошли вдоль рѣчки — не найдемъ ли молъ утокъ. Шли-шли, а рѣчка все влѣво отъ дороги сбивается. Попалась намъ пара утокъ матерыхъ. Одну сшибли, а другая по рѣчкѣ полетѣла дальше. Задоръ насъ взялъ, охота и другую убить. Пошли это за ней по рѣчкѣ, версты три должно сдѣлали, а утки нѣтъ. Что молъ за оказія такая?

Только гдѣ ни возьмись на насъ собака лаять. Мы и думаемъ: Что такое значитъ, откуда собака взялась? Поднялись на берегъ, смотримъ,

а недалеко въ котловинѣ между буграми аулъ киргизскій стоитъ.

7. Аулъ.

За охотой время не видно какъ идетъ, а ужъ близко полденъ было, отдохнуть пора, да и аула мы вблизи не видали.

—Давай, говоримъ, зайдемъ къ киргизамъ: наши на полдорогѣ должны обѣдъ варить, долго стоять будутъ.

И пошли къ кибиткамъ. Въ этомъ аулѣ шесть кибитокъ было. Киргизы одну кибитку не ставятъ, всегда три, четыре и больше. Это по ихнему ауломъ и зовется. Стоятъ кибитки недалеко другъ отъ друга, къ кольямъ лошади привязаны, собакъ куча.

Только что это мы вышли совсѣмъ на верхъ, какъ бросятся на насъ собаки — штукъ больше десяти; облѣпили кругомъ, такой гвалтъ подняли—бѣда! Киргизы всегда при аулѣ цѣлую кучу собакъ держутъ. И ничего онѣ у нихъ не дѣлаютъ, только что лаютъ. Такъ пріучены лаять, откуда у нихъ голосу хватаетъ. Ну зато къ аулу ужъ никто не подойдетъ, чтобы хозяинъ не зналъ, собаки гамъ подымутъ—упаси Господи!

Вышелъ киргизъ изъ кибитки. А мы малость, по ихнему говорить около обозчиковъ научились, потому языкъ у нихъ тотъ же, что у татаръ,

только по другому слова выговариваютъ. Я и говорю:

—Здравствуй, пріятель, есть у тебя молоко?—намъ ѣсть охота.

А онъ и спрашиваетъ:

— А у тебя деньги есть?

Мы ему и говоримъ:

— Мы солдаты. У солдата денегъ нѣтъ. А вотъ есть у насъ утка, хочешь — возьми, подаримъ.

— Ну, говоритъ, ладно,—пойдемте ко мнѣ въ кибитку.

Кибитки у нихъ у всѣхъ на одинъ манеръ сдѣланы. Она разбирается словно палатка какая. Киргизъ такъ съ собой ее и возитъ на верблюдѣ. Придетъ на мѣсто, гдѣ ему со скотиной остановиться нужно, онъ сейчасъ кибитку тутъ и ставитъ. Въ два часа у него и домъ готовъ. А если опять идти куда надо, собралъ кибитку, завьючилъ и былъ таковъ. Поэтому она у него такъ и сдѣлана, чтобы ее способно возить было.

Ставитъ онъ сперва рѣшетку изъ тонкихъ палочекъ, какъ лутошко. Палочки наискось приходятся и ремешками скрѣплены, оттого рѣшетка сдвижная выходитъ: коли нужно ставить кибитку, онъ палочки раздвинетъ, а собратъ ежели — то сдвинетъ вплоть. Рѣшетку ставятъ кольцомъ, только что для двери мѣсто оставляютъ. Потомъ поверхъ ея крышу круглую, какъ каравай, надѣнутъ. Крыша вверху изъ

обруча сдѣлана, а въ него тонкія гнутыя палки воткнуты. Коли кибитка ничѣмъ не закрыта, такъ точно клѣтка какая. Теперь, какъ рѣшетку поставили совсѣмъ, ее кошмами и съ боковъ и сверху накроютъ, потомъ стянутъ ее тесьмами длинными по плотнѣе и свяжутъ. Только въ самомъ верху въ крышѣ дыра остается—это у нихъ и окно, и труба для дыма. Дверь завѣсятъ кошомкой—вотъ и домъ весь состроенъ.

Кибитку ставятъ всегда бабы. И ловко онѣ это дѣлаютъ: въ два часа онѣ такъ ли устроятъ все—любо дорого.

Въ кибиткѣ киргизу жить хорошо: ее ни вѣтромъ не продуваетъ, ни дождемъ не пробиваетъ. Если очень вѣтеръ подымется, буря, такъ они ее къ землѣ привязываютъ; для того у нихъ отъ самого верху крыши веревка виситъ, а посреди кибитки колъ вбитъ здоровый въ землю. Они какъ притянутъ веревку хорошенько, такъ никакой вѣтеръ ничего не подѣлаетъ. Въ холодъ посрединѣ кибитки огонь разложутъ, сидятъ кругомъ и грѣются. Прогорятъ дрова—они сверху кибитку закроютъ, тепло въ ней и держится.

У богатыхъ киргизъ кибитка отличная: кошмы всѣ изъ бѣлой шерсти сваляны, узорами снутри вышиты, тесемки тоже всѣ узорныя, палочки красками расписаны. Какъ войдешь въ кибитку въ дверь, сейчасъ противъ у стѣны сундуки стоятъ. Сундуки они у русскихъ покупаютъ и берутъ все расписанные, которые покраси-

вѣс. Если богатый киргизъ, такъ у него сундуки одинъ на другой понаставлены горой. Въ нихъ все хозяйское богатство: одежа праздничная, збруя дорогая, украшенья женскія, деньги. Только всего и есть въ кибиткѣ что эти сундуки. Ни стола, ни скамейки, ничего. Они и сидятъ, и ѣдятъ, и спятъ все на полу. Оттого у нихъ полъ всегда кошмами устланъ. Что есть у нихъ по хозяйству—все или вдоль по стѣнамъ на землѣ лежитъ, или по рѣшеткамъ развѣшано. Такъ и живутъ тутъ всѣ вмѣстѣ, и мужики, и бабы, и ребята и работники. Который богатый, тотъ двѣ, или три для себя кибитки имѣетъ, а бѣдный, такъ въ одной ютится.

8. Киргизы.

Вошли мы въ кибитку. Хозяинъ-киргизъ сѣлъ на полъ калачикомъ ножки и намъ велѣлъ садиться. У него еще двое 'киргизъ было, вотъ они сѣли около насъ и давай болтать. Говорятъ они скоро-скоро, такъ и сыплютъ словами, ничѣмъ не остановишь и все кричатъ больше. Послушать если со стороны какъ два киргиза разговариваютъ, такъ подумаешь, что они ссорятся. Такой крикъ другой разъ подымутъ, руками это размахиваютъ, такъ толи крестятъ друга друга крѣпкимъ словомъ, что вотъ-вотъ сейчасъ подерутся думаешь. А это ужъ у нихъ привычка

такая; ему трудно ежели тихо, степенно говорить, онъ все съ накрику больше любитъ.

Киргизъ того же племени, что и башкиръ, и калмыкъ, и татаринъ. Это все одинъ народъ. Какъ теперь чувашинъ, черемисинъ, мордвинъ одного племени, такъ и тѣ. Съ того киргизъ съ башкиромъ, или съ татариномъ, если говорить начнутъ,—они все другъ у друга понимаютъ.

Киргизъ въ степи живетъ. А какой человѣкъ гдѣ жительство имѣетъ, въ какомъ мѣстѣ, тѣмъ онъ и занимается. Теперь взять если хоть, къ примѣру, Симбирскую губернію или Пензенскую, тамъ земля хлѣбородная, черноземъ,—съ того народъ больше хлѣбъ и сѣетъ. Въ другомъ мѣстѣ лѣсовъ много—тамъ деготь гонютъ, уголь выжигаютъ, или за звѣремъ ходятъ. Гдѣ рѣка большая есть—рыболовы живутъ, судоходство. И по прочимъ другимъ мѣстамъ также все: гдѣ чего много, да сподручно, тѣмъ народъ и промышляетъ больше.

А въ степи чего есть? Ни лѣсу, ни рѣки большой. Земля есть мѣстами хорошая, ну засуха во все лѣто. Одного только и много, что мѣсто широкое, да травы въ волю. Съ того киргизу и сподручнѣе всего скотоводствомъ заниматься. Да и дѣло то нехитрое: гоняй скотину изъ мѣста въ мѣсто и ладно,— тутъ разума большаго не нужно.

Давно ужъ киргизъ прижился въ степяхъ со своей скотиной. Онъ только тѣмъ и живетъ, что

барановъ, козъ, верблюдовъ, коровъ да лошадей пасетъ. Въ нихъ все его и богатство. Велики атары, большіе гурты да табуны,—богатъ и киргизъ. Мало у него скота—онъ бѣднякъ голый. Потому онъ только и старается все объ своей скотинѣ, чтобы ей хорошо было. Съ того онъ и мѣста прочнаго имѣть не можетъ, что скотину перегонять съ мѣста на мѣсто нужно. А куда бараны да лошади, туда и киргизъ кочуетъ, ему безъ нихъ жить нельзя, объ нихъ всѣ его и заботушки.

И бѣда богатые есть изъ этихъ киргизъ, Боже ты мой! У другаго хозяина барановъ тысячъ до десяти головъ, да верблюдовъ до нѣсколько сотъ, да лошадей тысячи три есть. Такъ эти, какъ богато живутъ. А даромъ, что у нихъ богатство большое, онъ тоже какъ простой киргизъ кочуетъ, то же съ мѣста на мѣсто переѣзжаетъ со своими кибитками, потому ему нельзя—онъ только и богатъ, пока скотина цѣла.

Такъ то киргизы и кочуютъ. Со стороны посмотрѣть, степь широкая, по ней киргизъ зря ходитъ, а на дѣлѣ не такъ. И у нихъ то же свои порядки есть. Киргизы родами живутъ. Каждый киргизскій родъ свои мѣста имѣетъ, тамъ и скотину пасетъ, потому если имъ своихъ мѣстъ не имѣть, можно всѣхъ стадъ лишиться: придетъ если киргизъ на какое мѣсто, а тутъ другой только что былъ, весь кормъ пріѣденъ—ему кормить скотину нечѣмъ будетъ. Оттого у нихъ пе-

редъ весной съѣздъ бываетъ, всѣ старшины ихніе съѣзжаются и дѣлютъ гдѣ кому пасти. Такъ ужъ потомъ киргизы это и знаютъ. Они не сдуру ходятъ, а то же какъ нужно, какъ рѣшено.

Весной у нихъ великій праздникъ бываетъ, что на кочевки уходятъ. Киргизы рады тутъ бываютъ, потому и холодъ кончается, и на одномъ мѣстѣ ему не сидѣть, и степь вся словно ковромъ какимъ одѣнется. Скотина сразу поправится: у верблюдовъ горбы большіе станутъ, высокіе—жиромъ нальются; бараны курдюки здоровенные нагуляютъ живо; лошадь рѣзвая, кругленькая станетъ. Самъ киргизъ оживетъ, потому ему самая тоска на одномъ мѣстѣ стоять, а тутъ гуляй себѣ. Такъ они всѣ и двигаются полосами въ середину степей на полдень. Къ осени поворотъ сдѣлаютъ назадъ и тянутъ ужъ скучно къ зимовкамъ. За лѣто ихъ стада до двухъ тысячъ верстъ дѣлаютъ. Въ этомъ вся жизнь киргизская такъ и проходитъ.

Киргизъ, онъ себя киргизомъ не назоветъ. Это его такъ только русскіе называютъ, а самъ себя онъ казакомъ зоветъ. Теперь, если его спросить: Кто, молъ, ты такой? Онъ не скажетъ что киргизъ, а скажетъ: я казакъ.

Изъ себя на видъ онъ росту небольшаго, приземистый больше народъ. Сколоченъ на славу: коренастый, широкоплечій, здоровый. Лицо скуластое, ротъ широкій, глаза узенькіе и нѣсколько скошеные. Волосы русые больше, бороденка

маленькая, какъ у козла, на самомъ подбородкѣ ростетъ. Тѣло у него темное, загорѣлое, какъ чугунъ. Ноги кривыя, потому онъ всю жизнь на сѣдлѣ верхомъ сидитъ. Видитъ онъ отлично, даромъ что глаза узенькіе. Теперь если на степи что есть, русскій человѣкъ или вовсе не замѣтитъ, или такъ ему будетъ оказывать, что чего то черное далеко есть, какъ точка какая—а, киргизъ посмотритъ, сейчасъ скажетъ что тамъ такое: бараны ли, верблюдъ ли, али конный человѣкъ ѣдетъ. Голосъ у нихъ звонкій, высокій. Онъ за версту кричитъ, его другой слышитъ и понять можетъ. Мы не мало на нихъ дивились. Встрѣтится ему киргизъ какой, стороной ѣдетъ, онъ сейчасъ руку подыметъ, замахаетъ ногайкой и закричитъ. Тотъ тоже остановится и пошли оба кричать, не разберешь чего. А они все понимаютъ. Дорогу ли ему разспросить нужно, или другое что, онъ къ другому киргизу вплоть не поѣдетъ, а все крикомъ. Покричатъ это другъ другу и поѣдутъ въ разныя стороны,—ужъ знаютъ чего нужно.

Одежда у нихъ нехитрая: штаны бѣлые, рубаха распояска длинная, ермолка на бритой головѣ, да сверху колпакъ надѣтъ востроносый, изъ войлока свалянъ. Такъ онъ дома ходитъ. А если ѣхать ему куда, онъ чепанъ надѣваетъ, а то два, или шубу баранью, потомъ широкіе кожаные штаны и сапоги. Штаны у него такіе широкіе, что два человѣка въ нихъ влѣзутъ. Онъ въ нихъ

все заправляетъ что на немъ есть: чепанъ ли, шуба ли, все въ штаны запрячетъ и вздернетъ ихъ потомъ на гашникѣ потуже. Толстый—толстый, какъ брюхатый, или какъ распухшій словно онъ тогда. Ну ему очень ловко такъ ѣздить верхомъ, потому полы не мѣшаютъ ему на сѣдлѣ сидѣть. Сапоги у нихъ больше юфтяные желтые, съ вострыми носами и на самомъ кончикѣ язычекъ изъ ремешка пришитъ. И чудно они одѣваются. Лѣтомъ другой разъ въ шубѣ ѣдетъ и въ мѣховомъ малахаѣ на головѣ. Жара такая—въ одной рубашкѣ тебя потъ замучаетъ, а онъ себѣ въ полиудовой шубѣ лупитъ. А зимой, въ холодъ, грудь у него вовсе открыта и рубахи нѣтъ, одна шуба надѣта, да такъ не запахнувшись и ѣдетъ.

У киргиза все изъ шерсти. Домъ его, кибитка войлочная, на полу опять войлокъ постланъ, колпакъ на немъ валяный, халатъ изъ сукна, или изъ армячины; ковры, веревки, нитки, все изъ шерсти. Сѣдло на верблюдѣ опять изъ кошмы, то есть куда не повернись—все шерсть. Потому скотины у киргиза много, шерсти всегда вволю, своя некупленая, онъ все изъ нея и дѣлаетъ.

Киргизъ чѣмъ питается—скотины у него много, отъ скотины и пища у него. Молоко ѣдятъ разное. У нихъ всякую скотину доятъ: и корову, и козу, и овцу, и верблюжью самку, и кобылу. Молоко все вмѣстѣ мѣшаютъ, только что кобылье молоко въ особую посуду отливаютъ, по-

тому изъ него они кумысъ дѣлаютъ. Кумысъ такъ дѣлаютъ: нальютъ молока въ мѣхъ, въ которомъ немного стараго кумыса было, мѣхъ завяжутъ и начнутъ взбивать. А мѣхъ изъ цѣльной козлиной шкуры дѣлается, какъ мѣшокъ кожаный. Молоко киснетъ и сбивается, бродить начнетъ, какъ дрожжи. Очень этотъ кумысъ здоровъ—пить его. Онъ кисленькой и въ носъ бьетъ, какъ брага хорошая, пѣнится. Киргизы его ведрами пьютъ. Налей ему чашку въ полведра, онъ ее однимъ духомъ выпьетъ: припадетъ какъ теленокъ, такъ и не оторвется пока не кончитъ. Коли много пить кумысу пьянъ будешь. Особливо если кумысъ старый, крѣпкій.

А то у нихъ еще есть напитокъ, то же пьяный—буза. Его изъ проса дѣлаютъ, съ того онъ и дешевъ. Солдаты этой бузы сколько перепили. Сперва не вкусно было, а тамъ привыкли, замѣсто пива считали.

Изъ разнаго молока киргизы сыръ дѣлаютъ, по ихнему называется крутъ. Сыръ этотъ они комочками въ кулакъ величиной катаютъ, солятъ и сушутъ. Ежели куда ѣхать или скотину пасти, киргизъ броситъ штуки три такихъ кусочковъ въ мѣшокъ, ему и довольно. Грызетъ потомъ, а то въ водѣ разводитъ, у него и выходитъ бурда, въ родѣ сыворотки.

Коли гости у киргизъ, тогда барана они рѣжутъ, или лошадь. Сварятъ барана, вода изъ подъ него шурпа называется, это у нихъ пох-

лебка. А барана рвутъ на куски, и ѣдятъ руками. Голову почетному гостю. Если хозяинъ хочетъ уваженіе гостю сдѣлать, почтить его, то изъ своихъ рукъ кормитъ, а потомъ дастъ пальцы облизать. А ежели гость очень ужъ важенъ, то онъ хозяина кормитъ. Хлѣба они не пекутъ. Другіе и не знаютъ вовсе какой хлѣбъ есть. Они на счетъ пищи ужасно терпѣливы: другой разъ дня два не ѣстъ и не пожалуется. А за то какъ дорвется жрать—барана одинъ съѣстъ.

Киргизы народъ отличный. Какъ родился онъ среди мирной степи, выросъ, самъ не знаетъ какъ, около барановъ, лошадей, да верблюдовъ, сидя на сѣдлѣ да слушая отцовскія сказки,—таковъ онъ и вышелъ. Характеру онъ мягкаго, веселаго. Душа у него простая, добрая. Мирный онъ вовсе теперь сталъ. Только что лѣнивъ онъ очень и грязно живетъ. Вони да грязи у него въ кибиткѣ—сколько угодно. Честный они народъ, только по своему. Своего или пріятеля ни въ жизнь не обманетъ. А постороннему гадостей надѣлать всегда можетъ. Только что онъ не хитеръ, коли чего спакостить хочетъ, сейчасъ видно. Ссориться не любитъ зря, изъ за пустаго. Если ты къ нему пришелъ въ гости—всякій тебѣ почетъ и угощеніе. Теперь тамъ, гдѣ солдаты въ степныхъ мѣстахъ стоятъ, киргизы съ ними какую дружбу водятъ. Ты, говоритъ, мнѣ тамыръ — другъ значитъ по ихнему. Ну за то и самъ киргизъ любитъ въ гости

играть. Дѣлать ему дома нечего,—онъ съ утра на лошадь сѣлъ и залился на весь день, а то и на два, на три: ѣздитъ себѣ по знакомымъ ауламъ, да болтаетъ, новости узнаетъ. Наберется новостей въ одномъ мѣстѣ, въ другое ѣдетъ разсказывать. У нихъ даромъ что почты нѣтъ и писемъ не пишутъ, а все знаютъ что въ степи дѣлается.

Другой разъ чего въ русскомъ городѣ случится, мы въ другомъ рядомъ живемъ ничего не знаемъ; а пріѣдутъ киргизы Богъ знаетъ откуда—ужъ имъ все извѣстно. Вотъ когда тамъ войны были, офицеры по почтѣ и извѣщаютъ другъ друга что на войнѣ дѣлается. Такъ солдаты всегда прежде все знали, чѣмъ офицеры. Сейчасъ пойдешь къ знакомому киргизу въ гости, или гдѣ встрѣтишь его, спросишь, что объ войнѣ слышно,—все разскажетъ. А тамъ по почтѣ когда-то когда-то еще прибудетъ извѣстье.

Киргиза хлѣбомъ не корми, только разскажи ему чего нибудь новое, да занятное. Узнаетъ онъ если, что праздникъ гдѣ затѣвается, такъ онъ за сколько верстъ ѣдетъ, трясется—охота ему посмотрѣть, да послушать. Ну да и врать же они здоровы. Другой разъ наплететъ тебѣ того, чего никогда ему и во снѣ не снилось,—а все изъ того, чтобы похвастать, что онъ много знаетъ. Хвастуны они большіе, любятъ чтобы ихъ за важныхъ людей почитали. Только все это дѣлаютъ-то они по ребячьи, забавно, сейчасъ видно.

что у нихъ на умѣ есть. Такъ-то киргизъ и ѣздитъ изъ стороны въ сторону. Ему дорога нипочемъ, Пристала лошадь, онъ сейчасъ въ первый аулъ свернетъ отдыхать; наболтается тутъ въ волю, накормятъ его, онъ дальше ѣдетъ. Дорогу онъ по своему считаетъ. Въ степи верстъ нѣту. Киргизъ ее разно мѣряетъ. То голосомъ, а коли далеко, такъ днями. Теперь спроси его, далеко ли до такого то мѣста? Онъ и скажетъ:

— Десять чакрымъ.

А чакрымъ у него вотъ что такое: закричитъ киргизъ въ истошный голосъ—гдѣ его другой киргизъ услышитъ, тамъ и чакрымъ у него. А поди тутъ мѣряй. Другой разъ у него чакрымъ въ полторы версты, а то и всѣ три. Вотъ тутъ его и пойми.

Ну и ѣздить же они мастера! Онъ еще ребенкомъ, только что бѣгать началъ, ужъ на лошади верхомъ сидитъ, да такъ толи задуваетъ. Такъ онъ и ростетъ верхомъ на скотинѣ.

Мы разъ что видали. Стадо верблюдовъ паслось. Только смотримъ пастуха нѣтъ, а стадо большое. Что такое значитъ? Слышимъ кто-то кричитъ, верблюдъ одинъ ходитъ здоровый, точно другихъ загоняетъ, а пастуха невидно. Глядь, а у верблюда между горбами двое мальчишекъ нагихъ сидитъ. Маленькіе вовсе, небольше какъ по четвертому годочку имъ. Ихъ между горбами то и не видать, словно заклинило ихъ тамъ. Вотъ мы дивились тогда: ну пастухи! Да вѣдь

какъ ловко правятъ верблюдомъ-то, такъ толи покрикиваютъ, ноженками это его въ бокъ толкаютъ, точно большіе. И не боятся, даромъ что на каланчѣ сидятъ.

Съ того они очень ужъ и ловки ѣздить, что съ измалѣтства привыкаютъ. Цѣлый-то онъ день на сѣдлѣ сидитъ—ему и горя мало, и не устанетъ. Скакать ли, рысью ли,—ему все равно, онъ какъ приросъ къ лошади. Его съ сѣдла снять невозможно: вцѣпится ногами въ бока лошади, тяни его хоть трое—не сорвешь. И теперь другой толстый киргизъ, жирный, посмотрѣть на него, онъ съ мѣста не сдвинется, сырой вовсе,—а дай ему лошадь, не узнать: ѣдетъ легко, ловко, молодцомъ. Да, наѣздники! По ихнему это джигитъ значитъ, кто ловокъ ѣздить.

Такъ онъ и шляется по степи, время убиваетъ. И ѣхать ему нескучно, потому попутчики всегда есть. Въ степи никогда почти одинокаго киргиза не встрѣтишь, все двое, или трое, а то пятеро ѣдутъ вмѣстѣ и все говорятъ, все тараторятъ. Встрѣтитъ если киргизъ другаго, онъ его такъ не пропуститъ, а поѣдетъ къ нему въ сторону, версты три другой разъ крюку сдѣлаетъ, все затѣмъ, сказывай, что видѣлъ, что слышалъ?

Случалось другой разъ намъ въ степи чего спросить нужно. Какъ бывало увидишь гдѣ киргиза—близко ли, далеко ли—махни ему рукой, сейчасъ пріѣдетъ, станетъ съ тобой говорить.

9. Киргизская охота.

Киргизы охотничать любятъ. Съ ружьемъ за охотой ѣздятъ, у нѣкоторыхъ собаки есть, а пуще всего съ ястребомъ занимаются.

Собаки у нихъ отличныя. Онѣ туркменской породы: такія же, какъ наши борзыя, только больше гораздо. Росту собака большаго, грудь сильная, задъ широкій и, коли чистой породы, такъ вся черная съ бѣлой звѣздочкой на груди. И скачетъ она — вѣтеръ! Нашимъ борзымъ до турекменокъ далеко. Вотъ съ этими собаками киргизы за лисами, да за зайцами и охотятся: много травятъ.

Самая любопытная охота у нихъ съ ястребомъ. Ястреба разной породы бываютъ: и перепелятники, и утятники, есть большіе беркуты — такъ тѣ и гуся берутъ. Ястреба киргизъ самъ учитъ. Достанетъ онъ молодаго ястребенка и сейчасъ ему кожанный колпакъ на голову надѣнетъ, чтобы не видалъ ничего и не пугался. А то такъ просто глаза ниткой зашьетъ. Такъ онъ его недѣли двѣ держитъ, носитъ на рукѣ, гладитъ, говядиной изъ рукъ кормитъ, пріучаетъ къ себѣ. Потомъ откроетъ ему глаза, привяжетъ за ногу на длинную бичевку и посадитъ гдѣ нибудь. А самъ отойдетъ, покажетъ ему говядину въ рукѣ да и закричитъ: сюда! Учатъ ястреба голоднаго, такъ онъ какъ увидитъ мясо, прямо летитъ на руку, сядетъ и начнетъ клевать. Хо-

зяинъ дастъ ему кусочикъ, да опять ссадитъ и манитъ къ себѣ снова.

Какъ выучится ястребъ прилетать на руку за мясомъ, онъ потомъ ужъ и такъ будетъ летѣть: если хозяинъ руку подыметъ, да позоветъ его, онъ сейчасъ и тутъ. Выучитъ такъ-то киргизъ ястреба, тогда ему поножни дѣлаетъ или путы, ошейничекъ и къ хвосту бубенчики привяжетъ. Тогда ястребъ и для охоты готовъ.

Осѣдлаетъ киргизъ лошадь, возьметъ мѣшокъ, говядины кусокъ, къ сѣдлу маленькій барабанъ привѣситъ, на правую руку кожаную перчатку надѣнетъ, посадитъ ястреба на руку и ѣдетъ за охотой. Въѣдетъ если онъ въ болото, гдѣ дичь есть, сейчасъ ударитъ въ барабанъ, вылетитъ утка, онъ ястреба и пуститъ. И ударитъ этотъ ястребъ за уткой прямымъ ходомъ, какъ стрѣла какая, только бубенчики побрякиваютъ. Уцѣпитъ ее и сейчасъ на землю—трепать. А киргизъ смотритъ. Какъ спустился ястребъ, онъ къ нему сейчасъ, отбивать утку. Другой разъ ястребъ въ траву забьется, его не видать, такъ охотникъ его по звону ищетъ: ястребъ утку треплетъ, а у него бубенчики-то и звонятъ, показываютъ гдѣ онъ.

Съ ловкимъ ястребомъ киргизъ сколько такимъ манеромъ утокъ въ мѣшокъ спуститъ. Ну зато и холитъ же онъ ястреба! Сколько бы не ѣхалъ дорогой, онъ все его бережетъ, на рукѣ на вѣсу держитъ. Пріѣдетъ куда, сейчасъ въ передній уголъ на почетное мѣсто сажаетъ на ко-

стылекъ, гладитъ, кормитъ, не насмотрится. И умные же есть изъ ястребовъ. Вѣдь ужъ кажется птица дикая, хищная, а какъ хозяина знаетъ. Посадитъ онъ ее на плечо, или на голову — сидитъ поглядываетъ желтыми глазками. А подойди чужой—такъ и ощерится, зашипитъ.

У нѣкоторыхъ богатыхъ киргизъ соколы заведены. Эти небольшіе, ну очень стройны и нарядны. А на охотѣ противъ него ни одинъ ястребъ не сдѣлаетъ. Онъ не ловитъ, а бьетъ. Залетитъ повыше, сложитъ крылья, да оттуда, какъ камень и ударитъ въ птицу. И бѣда соколъ больно бьетъ. Противъ его удара лебедь устоять не можетъ—сразу падаетъ.

Ежели охотниковъ съ ястребами нѣсколько соберется да дичи много,—такъ очень любопытная охота, какъ ястреба за птицей гоняютъ. А хозяева то въ перебой идутъ — тутъ толи потѣха!

10. Киргизская семья.

У киргизъ старшій въ семьѣ отецъ, а есть дѣдушка—такъ онъ тогда. Онъ всему дѣлу голова. Его всѣ слушаются и уважаютъ. Родню они бѣда какъ знаютъ,—не хуже нашей деревенской старухи, которая изъ подъ земли выроетъ, а найдетъ родню, хоть будь она седьмая разседьмая вода на киселѣ. Всѣ сродственники киргизскіе и составляютъ родъ; онъ ужъ такъ и держится съ

поконъ вѣку. Въ роду тоже есть старшій, всѣмъ начальникъ, его султаномъ зовутъ.

Прежде, когда киргизы не были еще нашими, у нихъ часто родъ на родъ войной ходилъ. Если кто изъ чужаго рода обидитъ кого, такъ за него всѣ горой подымутся. Цѣлыя войны затѣвались, по ихнему баранта называется. Соберутся киргизы одного рода потихоньку, чтобы никто не зналъ, подъѣдутъ къ чужимъ ауламъ, и грянутъ на него сразу. Пойдетъ рѣзня, грабежъ, а пуще всего стараются скотъ угнать, потому онъ дороже всего стоитъ. Оправятся тѣ, которыхъ побили, соберутся тоже, да на первыхъ также нападутъ. Опять рѣзать, грабить, барантовать. Такимъ порядкомъ у нѣкоторыхъ родовъ войны по десяткамъ лѣтъ велись: и этимъ неохота простить, и тѣмъ обиду забыть нельзя,—ну съ того они такъ сторона на сторону и ходили.

Теперь это имъ непозволено, чтобы своимъ судомъ расправляться, а ежели есть какая непріятность, обида у одного рода на другой,—то судъ разбираетъ, а потомъ къ начальству на утвержденье. Велѣно мирно жить, не разбойничать. Свой судъ у нихъ тоже оставленъ. Они сами себѣ судей выбираютъ и судятся. Киргизскіе судьи по обычаю судятъ. У нихъ закону писанаго нѣту, а разбирательство идетъ по старому обычаю, какъ старики судили. Разберутъ судьи кто правъ

На 31 страничкѣ ошибка есть: на девятой строкѣ сказано «горы Общій-Сыртъ», а слѣдуетъ «горы Кара-адыръ-тау».

кто виноватъ и наказанье положутъ по древнему преданью. Ну а ежели какое убійство—тогда ужъ русскимъ судомъ ихъ судятъ, по нашему закону. У ненашихъ киргизъ—хоть хивинскихъ взять—и по сіе время баранта ведется между родами.

Семья у киргизъ разная бываетъ, потому киргизъ можетъ и одну жену имѣть, а можетъ и больше, какъ у татаръ. Бѣдные киргизы тѣ съ одной хозяйкой живутъ, а которые если побогаче—ну тѣ и двѣ, и три заводятъ. Только если у киргиза не одна жена, то все же первая хозяйкой считается, она какъ будто мать надъ другими: всѣмъ распоряжается, за всѣми наблюдаетъ.

Бабамъ у киргизъ жить свободно, ихъ не обижаютъ, только что насчетъ работы очень трудно, потому мужики, тѣ больше все въ гости играютъ, дѣла мало возлѣ хозяйства справляютъ. Баба раньше встань, подой скотину, дровъ схлопочи, воды принеси, пищу приготовь, съ ребятами возись, да она же и шерсть собираетъ, прядетъ, ткетъ армячину, сукна, ковры, подпруги, вьетъ веревки, шьетъ одежу, валяетъ кошмы, вяжетъ маты, вышиваетъ, кибитку шьетъ, попоны, толчетъ просо, кумысъ дѣлаетъ,—то есть все рѣшительно—какое есть хозяйское дѣло—со всѣмъ бабы управляются. А мужикъ только знаетъ, чтобы ему все было въ готовности, въ томъ вся его и забота.

Ну и работящія же только эти киргизки. Всякую-то, всякую она можетъ работу исполнить.

Какъ онѣ теперь, если хорошую кибитку готовятъ, узорами ее разошьютъ. Или то же маты онѣ дѣлаютъ изъ чія. Чій — трава такая степная, въ родѣ какъ тростникъ какой тонкій, или, опять сказать, будто бы солома крупная, только что чій очень прямъ и крѣпкій, неломкій. Вотъ изъ этого чія онѣ и вяжутъ щитъ длинный-раздлинный, вокругъ кибитки его ставятъ. Такъ онѣ каждую чіинку, каждую эту соломинку обвиваютъ шерстями разныхъ цвѣтовъ, чтобы въ узоръ одна къ другой приходилась. Кошмы киргизки валяютъ такъ, что нашимъ шерстобитамъ валяльщикамъ ни за что не свалять противъ ихняго.

Киргизки рано замужъ выходятъ. По нашему если сказать—у насъ дѣвченка, а у нихъ ужъ замужъ отдаютъ. Есть которыя, такъ ихъ по двѣнадцатому годочку ужъ въ жены берутъ, а въ 13 въ 14 лѣтъ—это постоянно. Съ этой причины, да съ работы бабы больно скоро старѣютъ. Взять если киргизку, посмотрѣть на нее, вся она въ морщинахъ, какъ старушка какая, а ей всего 30 годовъ, или 25 только.

И смѣлыя эти киргизски, да ловкія какія. Ѣздятъ онѣ верхомъ не плошь киргизъ самихъ. На верблюдѣ-ли, на лошади-ли ей все одно: какъ сядетъ это она на сѣдло, да зальется, такъ у другаго киргиза въ носу зачешется, какъ лупитъ.

Теперь у нихъ на праздникахъ такая игра есть, чтобы парнямъ дѣвку ловить. Посадятъ

это дѣвку на отличнѣйшаго коня, какой есть въ аулѣ лучшій, и пустятъ въ степь. За ней парень въ догонку. Если поймаетъ, то сейчасъ цѣлуетъ ее; а не поймалъ, она за нимъ бросится, да ногайкой его по спинѣ бьетъ. Такъ вѣдь какъ ударитъ она коня, да ахнетъ—на удивленье! Сама маленькая, легкая, въ хорошую одежу наряжена, такъ и вьется, какъ ласточка какая. Налетитъ на нее парень, ужъ вплоть наскачетъ.—такъ изъ рукъ уйдетъ, верткости сколько въ ней. Править лошадью—другому наѣзднику не съумѣть. Только что гикаетъ, да визжитъ, то сюда кинется, то туда, въ сторону, назадъ повернетъ, только одежа развѣвается. Другая, если лошадь у ней добрая, сразу ни за что не дастся, а въ спину парнямъ влетитъ отъ нея плетей порядочно.

Одежа у бабъ та же что у мужиковъ: штаны широкіе, рубаха, халатъ, сапоги. Голову иначе убираютъ. У нея вродѣ какъ колпакъ высокій на голову надѣвается и потомъ его бѣлымъ концомъ она обовьетъ, кругомъ лица конецъ пуститъ и на шею намотаетъ. Словно будто монашка въ клабукѣ, только не черная повязка, а бѣлая. Дѣвки на голову вострую шапочку надѣваютъ и заплетаютъ много косъ.

Для молодухъ больно ужъ нарядную одежу шьютъ. Вся рубаха изъ красной матеріи, цвѣтами вышита; колпакъ высокій, тоже красный и весь бусами разными, да бисеромъ, золотыми да серебряными подвѣсками обмотанъ. Вся то

она завѣшана, убрана и лица не видать почти. На рукахъ запястьи, кольца надѣты. Со стороны посмотрѣть, словно она кукла будто, неживая, какъ вѣшалка какая А по ихнему отлично считается.

Если киргизъ жениться задумаетъ, онъ долженъ за невѣсту выкупъ заплатить отцу съ матерью. Это у нихъ калымъ зовется. Калымъ разно платится. Середній киргизъ платитъ 37 головъ скота, а богатые такъ до 57 головъ—всегда чтобы нечетъ былъ: тутъ и лошади, кобылы, жеребята, верблюды, бараны. Больше лошадями платятъ. Кромѣ этого еще подарки матери и отцу.

Когда сваты сговорятся объ калымѣ, то и дѣлу конецъ: проведутъ по лицу у себя руками за мѣсто молитвы и сговоръ кончень. Тогда у родителей невѣсты пиръ дѣлается. Сейчасъ барановъ рѣзать станутъ, молока принесутъ, кумысу, а потомъ играть: мужики зарѣзаннаго козла рвутъ другъ у друга на скаку, перегоняются верхами, а то съ дѣвками скачутъ, какъ я разсказывалъ. Бандуриста призовутъ пѣсни да былины пѣть, и слушаютъ его.

Послѣ ужина бабы со сватьями играть станутъ. Надо такъ сказать, что бабы у киргизъ во всякомъ домашнемъ дѣлѣ, на сговорѣ-ли, на свадьбѣ-ли, или что прочее—онѣ вездѣ первыя, главныя заводчицы и распоряжаются онѣ какъ имъ угодно. Да не только что дома, у нихъ бабы

другой разъ на сходки мірскія ходятъ, тамъ голосъ вмѣстѣ съ мужиками подаютъ.

Ну, такъ со сватьями игру играть соберутся въ кибитку. Къ каждому свату сейчасъ по нѣскольку женщинъ подсядетъ, по три, по четыре, и каждая его пытаетъ, спрашиваетъ, а онъ долженъ на все отвѣчать. Что бы она ни спросила—сейчасъ, не медля ни мало, отвѣтъ держи. Заставитъ пѣсню пѣть—пой пѣсню; загадку заганетъ—отгадывай, не зѣвай; а то въ складъ ей чего скажи, слово какое въ отвѣтъ.

Такъ-то эти бабы сватьевъ поворачиваютъ—мое почтенье, шевелись! А пуще къ тѣмъ пристаютъ, кто покрасивѣе, повиднѣе. И теперь у нихъ очень просто на счетъ разговору,—что вздумается ей, то она и говоритъ, не стыдится нисколько,—другаго свата съ толку вовсе собьютъ; тотъ ужъ не знаетъ какъ ему говорить про что. А онѣ пуще эти бабы подхватятъ. И главное, что у нихъ наказанье есть: какъ если сватъ чего не такъ сказалъ, или не могъ отвѣчать, сейчасъ баба можетъ съ нимъ что хочетъ сдѣлать, надсмѣяться какъ ей вздумается.

Разъ онѣ что сдѣлали съ однимъ. Онъ какъ то не разобралъ, да и соври, круто совралъ чего то. Мигомъ налетѣли на него бабы, раздѣли до нага и поставили посередь кибитки, какъ истукана, а сами смѣются надъ нимъ, да издѣваются: рвутъ это его, теребятъ, срамятъ. А теперь не сдѣлай по ихнему — бѣда! Этакъ онѣ нака-

занье выдумали, что не слушался: одѣли свата бабой, посадили на быка лицомъ къ хвосту, рожу сажей вымазали, да по ауламъ и возили. А то одному, такъ привели старую, старую калѣку бабенку, горбатую, кривую, безносую, да и заставили цѣловаться... Тутъ ужъ бабье царство!

Потомъ невѣстины сваты также ѣдутъ къ жениху и задатокъ калыма везутъ, а то большіе подарки. Калымъ начинаютъ съ барановъ, потомъ верблюдовъ, а потомъ и лошадей сдаютъ.

Когда подарки сдѣлали съ обѣихъ сторонъ, родители ужъ покойны: будутъ ждать до свадьбы. Сговоръ всегда почти дѣлается еще тогда,

когда и жениху и невѣстѣ года по два, по три́, а то и того меньше. Пока они ростутъ, родители невѣсты калымъ понемногу уплачиваютъ.

Когда выростутъ женихъ съ невѣстой, женихъ ѣдетъ къ ней въ аулъ, съ парнями. Тутъ ужъ онъ долженъ конецъ калыма уплачивать. Ѣдетъ онъ незря. На это у нихъ то же обычай есть. Не доѣхалъ женихъ до аула за версту, или за полверсты, сейчасъ съ лошади долой и посылаетъ ее съ дружками къ невѣстиной сестрѣ съ подаркомъ. Соберутся бабы и дѣвки къ нему навстрѣчу и угощенье несутъ. Которыя женщины съ нимъ останутся сидѣть, а другія идутъ кибитку для жениха ставить.

Въ эту кибитку, какъ солнце закатится, бабы жениха тихонько отведутъ, взыщутъ подарки, потомъ идутъ къ отцу постелю дѣлать для молодыхъ. Постелютъ постелю, жениха приведутъ въ кибитку, гдѣ невѣста на постели сидитъ и мать тутъ же возлѣ огня. Помучаютъ жениха бабы около двери, выкупу все просятъ, потомъ впустятъ. Мать напоитъ его молокомъ, велитъ имъ играть, и уведетъ всѣхъ вонъ, только женихъ съ невѣстой останутся.

Утромъ опять бабы на своемъ мѣстѣ, за выкупомъ. Возьмутъ да у жениха сапоги и унесутъ у соннаго—давай выкупъ и ступай въ свою кибитку. Поживетъ онъ тутъ дня три, тогда — къ невѣстѣ ужъ ночью его водятъ — и домой поѣзжай. Уѣдетъ женихъ домой, а ужъ второй

разъ нескоро опять пріѣдетъ. И въ этотъ разъ онъ тоже въ степи останавливается. Все долженъ видъ дѣлать, будто онъ тихонько пріѣхалъ и отецъ невѣстинъ тоже будто не знаетъ. Въ этотъ разъ онъ еще калыма привозитъ. А въ третій ужъ весь до чиста, матери подарки и угощеніе на свадьбу. Тутъ ужъ женихъ съ невѣстой живутъ вмѣстѣ. Къ ней собираются дѣвки и бабы — приданое шьютъ, пѣсни поютъ, игры устраиваютъ. Въ приданое одежу даютъ, кибитку, а то двѣ, лошадь для невѣсты, ковры...

Когда поставятъ новую кибитку изъ приданаго, невѣста прощается съ сродственниками и должна плакать и причитать. Тутъ соберутся изъ ея аула парни и обступятъ невѣсту, а женихов дружки отымать ее начнутъ. Передъ ужиномъ станутъ вѣнчать. Огонь большой разложутъ, вокругъ разныхъ платковъ да ситцевъ накладутъ, отцу велятъ чашку съ водой держать да съ кольцами, а то съ деньгами; мулла прочитаетъ молитву, выпьютъ всѣ водицы изъ чашки—и конецъ, обвѣнчали..

У киргизъ дѣвкамъ большая воля дана. Другой разъ у ней до свадьбы любезный окажется, это ничего, только чтобы ребенка не было. А ужъ если передъ свадьбой дитя родится, это скверно. Женихъ тогда калымъ назадъ отберетъ и свадьба врозь.

Теперь тамъ, гдѣ киргизы отъ солдатскихъ стоянокъ недалеко кочуютъ, такъ солдаты съ

киргизами большое пріятельство водятъ. Другой солдатъ какъ дома у киргиза: у него и жена, и дѣти тамъ. Воля имъ.

Ужъ очень у киргизъ бабъ при родинахъ мучаютъ. Бабѣ покоя до самыхъ родовъ не-даютъ—все работай. У нихъ повитухъ нѣтъ, всякая баба повитуха, такъ онѣ чего дѣлаютъ! Роженицу на постель не кладутъ, какъ у насъ,—а возьмутъ веревками подъ мышки подхватятъ, да и подвѣсятъ къ верху кибитки, она такъ на вѣсу и родитъ. Коли благополучно, ну славу Богу, а то такъ ее до смерти замучаютъ. Начнутъ бить, мять, поить всякой гадостью, заговоры заговаривать. Все думаютъ, что въ бабѣ бѣсъ сидитъ.

Если у киргиза родится сынъ, то большая радость въ аулѣ бываетъ. Праздникъ устраиваютъ, киргизы со всѣхъ ауловъ верстъ за сто съѣдутся. Скачки устраиваютъ и заклады большіе дѣлаютъ на скачки. Другой разъ штукъ на десять верблюдовъ сложутся; кто первый прискачетъ тотъ и беретъ. У нихъ скачки бѣдовыя, не то что у насъ,—три или пять верстъ проѣхалъ и шабашъ. У нихъ верстъ на двадцать пять, на тридцать идутъ. Скачутъ всегда мальчишки, чтобы лошади легче было. И ловкіе эти мальчишки скакать. Ему пострѣленку семь годовъ только, а онъ что дѣлаетъ — двадцать пять верстъ скачетъ полнымъ махомъ, да еще

на скаку лошади глаза и ноздри платкомъ протираетъ! У нихъ на скачкѣ затѣмъ не смотрятъ, какъ кто ѣдетъ. Какъ хочешь поѣзжай степью, только чтобы на мѣсто первымъ придти.

Разъ былъ какой случай. У одного мальчишки больно лошадь была хорошая. Ужъ сколько разъ съ ней гонялись—какъ впередъ всѣхъ взяла съ мѣста, то и дальше никому впередъ уйдти не дастъ. Вотъ киргизы и сговорились противъ ея хозяина, выѣхали на середину дороги да на мальчишку и бросились. А мальчишка-то маленькій, вертѣлся, вертѣлся, не сдержался и упалъ съ лошади долой на землю. Киргизы рады, что мальчишка упалъ, думаютъ что ихъ лошади впередъ придутъ. А лошадь-то у мальчишки ужъ не первый разъ на скачкахъ ходила. Слетѣлъ съ нея мальчишка, а она все скачетъ, знаетъ куда — мѣсто знакомое. Тамъ ждутъ на мѣстѣ, кто первый придетъ. Смотрятъ — одна лошадь безъ сѣдока бѣжитъ впередъ всѣхъ. Добѣжала до столба, гдѣ знакъ былъ и стала. Такъ вѣдь закладъ и получила.

11. Рѣка Орь.

Посидѣли мы у киргиза въ кибиткѣ, отдохнули. Онъ насъ кумысомъ напоилъ, оставлялъ обѣдать—бараномъ сулился угостить, да намъ недосугъ было сидѣть. Отдали мы ему утку, что обѣщали, а онъ и говоритъ:

— Мнѣ вашей утки не надо. А вы дайте мнѣ пороху.

— За чѣмъ тебѣ? спрашиваемъ.

— У меня больной, говоритъ, есть — лечить нужно.

Дали мы ему видно заряда на три, простились, а идти не знаемъ куда. Мы и спрашиваемъ:

— Тамыръ, куда идти на дорогу къ колоннѣ?

Киргизъ посмотрѣлъ на насъ да и говоритъ:

— Стойте, я съ вами поѣду, провожу.

Вскочилъ сейчасъ на лошадь и поѣхалъ впередъ насъ. Долго мы съ нимъ все оврагами, да косогорами шли, наконецъ и на дорогу выбрались. Простились мы съ нимъ и пошли. Версты черезъ двѣ и отрядъ нашъ стоитъ, обѣдъ варитъ возлѣ озерка, потому станція большая была—должны были до новой рѣки дойти: Орь зовется.

Рѣка Орь въ этомъ мѣстѣ небольшая, воды въ ней не куча, въ сапогахъ перейти можно. А есть мѣстами и поглубже,—такъ по брюхо будетъ. Станцію сдѣлали какъ разъ на самомъ берегу. Какъ только стали, набрали солдаты кизяку для кухни,—маршъ на рѣку купаться. Полегли это въ воду, да и валяются, рады, что дорвались до рѣчки. Только смотрятъ, а въ рѣкѣ рыба ходитъ. Солдаты и смекнули:

— Стой, ребята, рыба! Давай ловить.

Сейчасъ это рыболововъ набралось, кто съ рогожей, кто съ рубахой. Распялили и ходятъ,

какъ съ бреднемъ, а другіе загоняютъ. Смѣху что было! Рѣчка по колѣно, а солдаты рыболовство затѣяли. Сколько народу набралось смотрѣть, смѣются.

Одинъ кричитъ съ берега:

— Что тоня стоитъ?

А рыболовы ему въ отвѣтъ смѣются:

— Три рубля!

— Возьми два, закинь на мое на счастье!

Другіе то же шутки шутятъ:

— Скорѣй тяни! Сомъ двухпудовой! Судакъ!

А всего-то двѣ плотвички попало въ рогожу. Въ степи и то потѣха.

Смѣхомъ, смѣхомъ, а наловили же на порядочную ушицу. Снесли офицерамъ,—тѣ по чаркѣ водки дали ловцамъ,—да напотѣшились вволю. И то дѣло: въ походѣ какъ нибудь надо развлекаться, чтобы себя подбодрить. Солдату ужъ безъ этого нельзя—онъ все чего ни на есть да и выдумаетъ, чтобы себя повеселить.

Пока на рѣкѣ рыбу бродили, а на берегу другую охоту устроили. Мы слышимъ, чего народъ кричитъ да грохочетъ, а тамъ никакъ половина колонны собралась—звѣрка какого-то схватились ловить. Окружили его, гамятъ, народу много,—онъ и суется изъ стороны въ сторону, а сквозь народа пробѣжать боится. А тутъ еще двухъ ротныхъ собакъ пустили—вотъ травля пошла! Ну и звѣрокъ же верткій, — такъ собакамъ и не дался. Точно летаетъ, какъ прыгаетъ. Такъ и

мечется, такъ и мечется—разобрать нельзя что за звѣрь. Одни кричатъ: заяцъ, другіе бѣлка,—не разберешь. Солдатъ его поймалъ. Онъ съ перепугу то-видно ткнулся какъ, да въ шинель ему, въ полы и угодилъ. Солдатъ его тутъ и прижалъ. Сошлись смотрѣть всѣ, что за звѣрь, а это степной земляной заяцъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его тушканчикомъ зовутъ.

Земляной заяцъ не больше, какъ съ бѣлку будетъ, только что заднія ноги у него огромныя, а переднія еще меньше, чѣмъ у векши. Самъ онъ очень на зайца съ виду похожъ — и глаза большіе, и уши такія же, ну хвостъ у него длинный раздлинный—больше четверти—и на концѣ какъ перо какое, вродѣ кисти шерсть растетъ. Шкурка тоже на заячью походитъ, только посвѣтлѣй и пожелтѣе будетъ. Мѣхъ мягкій, точно бобровый.

Чудной звѣрокъ: онъ, ежели пищу собираетъ, —корешки, или травку — то на всѣхъ четырехъ лапкахъ ходитъ; а ежели бѣжать ему—то онъ переднія вмѣстѣ сложитъ подъ мордочкой, да на однѣхъ заднихъ лапахъ только скачетъ, словно у него двѣ ноги только и есть. Скачетъ да хвостомъ упирается. Скакать онъ такъ здоровъ, его на лошади не догнать: какъ стрѣла какая, такъ и летитъ, по три сажени прыжки дѣлаетъ. И теперь если ему ѣсть надо, онъ тоже сидя ѣстъ, какъ векша: возьметъ корешокъ въ переднія лапки, да какъ руками и ѣстъ.

Земляной заяцъ самый степной житель. Онъ голую степь любитъ, глинистую и въ ней себѣ норы роетъ. Днемъ онъ въ норѣ, спитъ, а какъ солнце закатится, то и выйдетъ на волю. Много ихъ соберется, скачутъ, играютъ, кормятся. Очень онъ занятный—смотрѣть на него. Смирный, глаза большіе, красивые. И скоро къ рукамъ привыкаетъ, даромъ что пугливый. Сядетъ это на заднія лапки, умываться начнетъ, какъ кошка.

Такъ мы смѣялись тогда:

— Ну, братцы, сегодня намъ что-то привалило: и рыбы наловили — дѣвать не куда, и зайца съ длиннымъ хвостомъ поймали.

Да, такъ-то посмѣялись, а тамъ смотришь, съ этой ли съ превеликой со удачи и пѣсни пошли. Вотъ и ладно значитъ.

12. Полынная степь.

Утромъ, какъ разсвѣтало, вынесли мы зайца на степь и пустили его. Батюшки какъ онъ обрадовался! Сперва-то ошалѣлъ, сѣлъ и сидитъ. А потомъ какъ схватится бѣжать, точно изъ ружья выпалило. И залился нашъ заяцъ съ радости по степи едва глазомъ за нимъ слѣдить можно. Вольный сталъ...

Отъ Ори мѣста перемѣнились. Ковыль назади остался, пошла степь полынная. Мѣста глинистыя начались; кое гдѣ солонцы показались,

только немного. Полынная степь въ самомъ дѣлѣ одной полынью поросла. Такъ кустиками и пошла и пошла сплошь. Только что въ перемежку попадаетъ кипецъ, да богородицина травка, или морковникъ, больше и нѣтъ ничего. Ровно-ровно, скучно таково тянется сѣренькая степь, словно пепломъ подернулась. Тутъ ужъ коренная киргизская степь пошла, ей конца краю нѣту. Воды здѣсь меньше. Гдѣ-гдѣ на ручеекъ какой наткнешься, да и то вода дрянная, горькая — пить другой разъ нельзя, потому кругомъ все солонцы...

Идти скучнѣе стало. Охотникамъ работы тоже поубавилось. Одно только, что скоро на большую дорогу должны были выйдти, а тамъ и первый фортъ близко.

Ночи все холоднѣе становились, другой разъ утренничекъ такой выдастся, что инеемъ землю покроетъ. А днемъ все еще тепло, только вѣтеръ крѣпчать сталъ. Былъ ужъ конецъ октября мѣсяца, дней пять до Косьмы Демьяна оставалось.

Тутъ у насъ несчастье случилось. Ѣхали съ нами бабы-солдатки, которыхъ мужья къ себѣ съ родины выписали. У двухъ бабъ видно по ребенку было: у одной-то еще младенчикъ, а у другой должно ужъ такъ ему года полтора было, — мальчишка. Ну ѣхали онѣ все ничего. Мальчишку солдаты очень любили, помогали бабѣ за нимъ смотрѣть, кормили его. Извѣстно, сол-

дать—первая нянька. Солдату хоть какъ угодно довѣрь — ужъ не просмотритъ. Ну а тутъ сама мать была; да маленько бабенка-то сшиблась, стали ее деньщики баловать, научилась водку пить. Мальченка-то должно и застудился какъ. Такъ это, сперва-то было ничего, а тамъ дальше да больше—да въ ночь и помри.

Такъ вѣдь вотъ маленькій парнишка-то былъ, а какъ всѣ жалѣли. Главное померъ въ степи, гдѣ и жилья вовсе нѣту. Ну дѣлать нечего — надо какъ нибудь хоронить. Нашли ящикъ какой то старый, въ ночь гробикъ ему кое какъ сколотили, уложили, да въ телѣгу до утра и поставили.

Утромъ, гдѣ еще до свѣту, трое впередъ пошли могилку рыть. Стали солдаты въ походъ сбираться, мы гробъ и понесли впередъ.

Устроили это все ладно, по порядку. Цвѣточковъ какихъ можно было набрали, наложили въ гробикъ. Впередъ двоихъ солдатъ послали — одного съ образочкомъ, другому крышку велѣли нести. А и крышка-то всего-то одна дощечка старая. Потомъ собрались которые пѣть по церковному умѣли, а тамъ и гробикъ на рукахъ понесли. Версты двѣ должно такъ прошли, съ пѣніемъ, поднялись на бугоръ — тутъ могила ужъ готова.

Подошли это мы къ могилѣ-то — чего дѣлать? Священника нѣту, а кто чего изъ насъ знаетъ? Взяли это опустили гробикъ въ могилу, унтеръ

у насъ былъ одинъ больно расторопный — тотъ вродѣ какъ за попа былъ—прочиталъ чего-то за упокой, бросили по горсти земли да и зарыли. Чего въ степи сдѣлаешь? Сверху камушекъ нашли навалили, перекрестились: царство, молъ, тебѣ небесное, да и пошли путемъ дорогой...

Пошли, да и жалко стало мальчишку. Раздумались солдатскія головушки, что-то и неладно такъ на душѣ сдѣлалось. Всѣ подъ Богомъ ходимъ, не знаешь гдѣ смерть найдешь, можетъ кому также вотъ середи степи кончить жизнь приведется. Также положатъ тебя въ могилу товарищи, пропоютъ чего умѣютъ, да и засыпятъ. Ладно, какъ камень найдутъ — такъ навалятъ, а то и такъ—вровень со степью пригладятъ...

Цѣлый день что-то пасмурны были солдаты, и разговоры не велись, и смѣху не слыхать, да и степь невеселая, неласковая, только полынь горькая головками помахиваетъ...

Ну, не все веселье да радости, въ жизни и другое бываетъ.

13. Большая дорога и степное укрѣпленіе.

Дня черезъ два мы на большой трактъ вышли, прямо противъ станціи. Привалъ намъ тутъ дали.

Солдату нельзя не посмотрѣть: человѣкъ видно пять пошли на станцію; мы, говорятъ, чего нибудь достанемъ тамъ. А и вся станція-то од-

на избушка. Возлѣ ни кола, ни двора,- только что тарантасы поломанные стоятъ, да телѣги безъ колесъ. На станціи трое казаковъ живутъ. Солдаты это разговорились съ ними, они имъ и поразсказали:

— У насъ и у самихъ-то ничего нѣту, кромѣ сухарей. Рѣдко когда приходится въ укрѣпленіе ѣздить, ну хлѣба достанемъ; а то больше, какъ киргизы, бараниной кормимся.

Лошади на станціи киргизскія — плохія, заморенныя. Хозяинъ корму лѣтомъ имъ не даетъ, а въ степи пасетъ, какъ вольныхъ, — а проѣздъ тогда большой былъ,—ну и подбились. Да дикія какія, точно и хомута въ глаза не видывали. Къ тарантасу ихъ киргизы за хвосты подтащутъ, двое держутъ, а двое запрягаютъ. Какъ запрягутъ, то отъ нихъ не отходи, пока всѣ не сѣли. Сядутъ господа, киргизы бросятъ лошадей и всѣ въ стороны разсыпятся, а другіе давай погонять, потому лошади непріученныя, бьютъ, бѣсятся, а взять сразу не могутъ. Ну, а какъ подхватятъ потомъ,—тутъ ужъ только держись — понесутъ какъ имъ хочется. Киргизъ ямщикъ править не умѣетъ, еще хуже ихъ путаетъ, ну онѣ и скачутъ пока не умаются или упряжь не порвутъ. А потомъ, верстъ пять отъѣхали — и пошли еле-еле, только кнутомъ нахлестывай. Да, ѣзда была! Говорятъ, нонче совсѣмъ тамъ порядки на станціи другіе — русскіе снимаютъ, и гоньба хорошая.

Только что это мы тронулись съ привала, хвать—колокольчикъ почтовый. Смотримъ, отъ станціи легенькій тарантасикъ съ кибиточкой скачетъ, такъ-то ли заливается на тройкѣ. Такъ вѣдь вотъ чего ужъ кажется,—а обрадовались, давно русскаго звону не слыхали да кибитки не видывали. Въ степи не то что въ другомъ мѣстѣ—всяко лыко въ строку, на все глаза пялишь.

У слѣдующей станціи ночевать остановились. Мѣсто тутъ вышло хорошее: около рѣчки, на крутомъ берегу. По рѣчкѣ камышъ ростетъ—имъ и топятъ. Пошли мы нарѣзали побольше камышу, чтобы кромѣ кухни и себѣ хватило, потому къ ночи вовсе холодно стало. Развели солдаты по берегу костры, вокругъ нихъ кучками собрались. И погрѣться охота, да и огонь больно веселый, давно ужъ такого не видали, какъ кизякомъ-то приходилось топить.

А тутъ кто-то догадался, да и говоритъ:

—Давай, ребята, рубахи жарить,—больно огонь хорошій.

Давай, такъ давай, сейчасъ раздѣваться, рубахи снимать. А въ нихъ этихъ звѣрей за дорогу развелось непробойная сила. Вся причина была полушубки. Солдаты дорогой въ нихъ шли, потому дѣвать его некуда. Шинель длинная, ее скаталъ черезъ плечо повѣсилъ, она не мѣшаетъ; а полушубокъ хоть въ рукахъ неси. Ночью холодно—солдатъ тоже въ полушубкѣ

спитъ. Ну и развелось въ этихъ полушубкахъ мелкой дичи до пропасти. И мала птица, а горе отъ нея немалое. Очень ужъ расплодилось много, никакъ не вывести. Тѣло грязное, потъ, такъ вѣдь такой зудъ напалъ, изодрался бы кажется весь. Такъ заѣла — терпѣнья нѣтъ даже. Ужъ стало быть ее много было, что въ сапогахъ, въ голенищахъ развелась. Шелъ съ нами молодой юнкерокъ, онъ только что опредѣлился недавно, такъ тотъ не разъ плакалъ даже — заѣли его очень.

Со стороны-то оно пустое дѣло, а ежели какъ самому произойти—такъ другая статья выходитъ. Ужъ плевое дѣло—вошь, а какое попеченье мы объ ней имѣли. Въ походѣ, да особливо въ степномъ, солдатъ да вошь—шабры-пріятели. Куда солдатъ, туда и сосѣдка, неразлучно.

Ну такъ вотъ для своихъ шабровъ мы баню и устроили. Развели по больше огонька, да и давай винтить надъ нимъ рубахи. Солдаты смѣются. Ну да и солдатамъ попало: у двоихъ рубахи сгорѣли. Въ походѣ рубаха тлѣетъ, какъ трутъ станетъ отъ поту,—ну сразу и вспыхнула. Сгорѣли двѣ рубашки, и другіе ужъ опасаться стали: несъ, молъ, съ тобой, рубаха-то дороже стоитъ. Такъ потѣха и не удалась.

Съ утра съ самого холодъ такой завернулъ, что трясучка пробрала. Вѣтеръ, сиверка, такъ сквозь и нижетъ. Рѣчки вездѣ позамерзли, раза два снѣгъ принимался идти. Солдаты шагу при-

бавили, идутъ молча. Только одно утѣшенье было, что должны сегодня придти къ укрѣпленію.

Остановили насъ должно такъ версты за полторы отъ форта, подъ горой, на рѣчкѣ. Мало радости вышло, что къ русскому укрѣпленью пришли. Сѣли подъ горкой-то, да и стали на холоду дожидаться когда обозъ придетъ, да ужинъ сварятъ. На другой день пошли мы степной фортъ смотрѣть. Карабутакъ стоитъ на крутой каменной горѣ, а подъ горой рѣчка бѣжитъ. Крѣпость маленькая, только и есть въ ней, что казарма, да каланча выстроена. Рядомъ съ крѣпостью домиковъ съ десятокъ стоитъ, а противъ почтовая станція. Вотъ и все укрѣпленіе.

Ходили было въ лавку, одна она у нихъ. Тамъ продаютъ одни сѣдла киргизскія, да старыя баранки сухія. Зашли въ кабакъ—къ водкѣ приступу нѣтъ; молока было спросили—тоже нѣтъ; плюнули да и ушли назадъ. Только что у солдатъ чернаго хлѣба купили—охота было поѣсть, потому двадцать денъ на сухаряхъ однихъ шли.

Отстояли на холоду дневку, и двинулись дальше.

Такъ видно дней пять холода держались. Мы ужъ на новую степную рѣку вышли—Иргизъ зовется. И чудная рѣчка. Въ верху въ ней вода прѣсная, а чѣмъ ниже по ней идти, то все солонѣе, потому очень тутъ солонцовъ много. Она какъ бѣжитъ, то изъ земли соль и вымываетъ. А ближе къ истоку тамъ мѣсто высокое и солонцовъ нѣту, потому и вода чистая.

Дорога такъ вдоль Иргиза и пошла, и станціи всѣ на ней выстроены. Степь тутъ все одинаковая, все полынь матушка да солончаки. Вдоль по рѣчкѣ, въ низинахъ трава хорошая есть, въ затонахъ камышъ растетъ. Такой-то дорогой мы на восьмой день до другаго укрѣпленія дошли.

14. Уральское укрѣпленіе.

Ровно черезъ мѣсяцъ добрались мы до втораго русскаго укрѣпленія въ степи—до Уральскаго. До него верстъ семьсотъ отъ Оренбурга.

Уральское стоитъ на рѣкѣ Иргизѣ, на томъ берегу. Этотъ берегъ—лѣвый низкій, а правый высокій и весь пескомъ занесенъ. Только что перейдешь черезъ рѣчку, поднялся на горку, тутъ и укрѣпленіе. Оно не въ примѣръ обширнѣе Карабутака, совсѣмъ будто на русскій поселокъ похоже. Одно только, что стоитъ оно поверхъ бугра, все пескомъ занесено, да и кругомъ, куда не посмотри—тоже гладко, да одинъ песокъ. Говорятъ, прежде, когда строили еще только тутъ укрѣпленіе, песку не было. Его потомъ вѣтромъ надуло. Какъ вѣтеръ подуетъ, песокъ все ближе да ближе и подступалъ, вокругъ бугра ложился, а потомъ и наверхъ забрался.

Радостно намъ было въ Уральское входить. Цѣлый мѣсяцъ людей не видали, русскаго духу не чуяли. Взошли это мы на бугоръ, пѣсенники

впередъ, пошли тихонько, съ переваломъ, да и грянули:

Какъ во славномъ селѣ Павловѣ....

Народу сбѣжалось смотрѣть на насъ, должно со всего поселка. Солдаты, бабы, ребятишки. Прошли мы по главной улицѣ, свернули на право и двинулись дальше въ степь, на стоянку. Остановились мы на канавкѣ. Вода тутъ хорошая, родниковая.

А мы еще раньше просили, что какъ въ Уральское придемъ, чтобы намъ баню дозволили. Тутъ мы два дня должны были стоять, такъ охота было помыться.

Пустили насъ къ вечеру въ Уральское. Осмотрѣли мы его. Невеликъ городокъ тоже. Крѣпость небольшая, около нея поселокъ. Есть тоже каменные домики, лавочки съ мелкимъ товаромъ, трактиръ. Въ поселкѣ все маленькія мазанки—тутъ солдатки живутъ, да поселенцы—хохлы. Походили мы по городку, съ солдатами поболтали.

— Очень, говорятъ, скучно здѣсь. Только что пройдутъ войска когда, ну что будто новый народъ, поговоришь о чемъ. Опять—все дорого здѣсь, купцы дорожатся.

Забрались мы въ слободку къ поселенцамъ, двѣ бани нашли—наняли истопить.

На другой день чѣмъ свѣтъ пошли баню топить. Натопили жарко, отлично, только что очень тѣсно: зайдутъ пять человѣкъ и повер-

нуться негдѣ, баня низенькая, домашняя, только для себя. А каждому охота попариться. Послѣ мѣсяцу-то какъ дорвались, такъ изъ бани-то ничѣмъ не выгонишь. Русскій человѣкъ баню любитъ, а тутъ еще съ похода было. Натащили это бѣлья, шинелей въ баню, развѣсили жариться—не пройдешь. А и то ладно: въ степи и жукъ—мясо. Напарились, потомъ къ хохламъ—чай пить. Отличный они народъ. Тѣсно у нихъ, а чисто. Хатки мѣломъ выбѣлены, какъ въ Малороссіи. Поставили они самовары, напились мы чаю; нѣкоторые солдаты велѣли пельменей себѣ сварить.

За чайкомъ-то послѣ бани разговорились съ хозяевами, душу отвели съ русскими людьми.

— Жить, говорятъ, можно бы здѣсь, только что совсѣмъ отъ пашни отбиваетъ песокъ. Ничѣмъ отъ него не загородиться. Насъ и то, говорятъ, засыпалъ совсѣмъ; на дворъ ужъ лѣзетъ.

Такимъ-то манеромъ отдохнули мы нѣсколько въ Уральскомъ, послѣ бани словно новыми людьми стали. Время теплое стояло. Опять и то было для насъ пріятно, что русскіе люди тутъ. Мы туда каждый день ходили. Ежели грѣха не таить, по правдѣ сказать, такъ не для однихъ русскихъ людей хаживали. Больно тамъ кабачки намъ понравились. А водка-то дорогая—ну такъ которые порастрялись тамъ тоже порядкомъ.

Отъ грѣха-то видно нигдѣ не уйдешь. Кажет-

ся степь голая,—съ чего бы? А въ степи-то еще хуже пожалуй не сообразишься... Другой и самъ не знаетъ, какъ нализался до того, что ужъ идти не можетъ, повели его въ отрядъ-то. Потомъ на другой день схватился, да ужъ поздно: и денежки-то не воротишь, и голова трещитъ, да и насрамился порядочно. А все съ того, что мѣры не знаютъ. Дорвался до кабака, такъ ужъ и себя забылъ, все выпить хочетъ. А какое удовольствіе? Одна непріятность потомъ.

15. Соленое озеро.

Вышли мы изъ Уральскаго рано. День хорошій былъ, идти легко. Станція небольшая была. Мѣста тутъ все солонцовыя, только что пескомъ ихъ затянуло. По степи все таже полынь ростетъ да кипецъ. Птицы мало видно. Одни ястреба носятся надъ голой степью, да кое гдѣ выскочитъ жаворонокъ. До Казанской дней десять оставалось. Птица ужъ на отлетъ пошла.

Остановились мы на озерѣ, возлѣ почтовой станціи. Озеро не маленькое — версты четыре будетъ поперекъ. Оно совсѣмъ круглое и со всѣхъ сторонъ открыто. Голо да гладко кругомъ. Берега низкіе, точно выметены, даже травки не видно, потому песокъ одинъ. Утокъ этихъ, гусей сбилось на озерѣ пропасть. Такъ черными, да сѣрыми полосами по срединѣ озера и плаваютъ. А между ними лебеди бѣлыми кучками сидятъ.

Вода въ озерѣ соленая и горькая, не вкусная. Въ пищѣ еще ничего, а если такъ ее пить, или чай сварить—совсѣмъ нехорошо.

Почтовой станціи тутъ не выстроено, а замѣсто ея кибитка киргизская стоитъ, кругомъ камышомъ отъ вѣтру обнесена. Въ ней и казаки съ киргизами-ямщиками живутъ, и господа проѣзжіе останавливаются.

Посмотрѣли это наши охотнички на озеро—задоръ ихъ взялъ: дичи много, а взять нельзя. А пуще всего лебеди ихъ смущали. Думали они думали, да и пошли просить, чтобы имъ изъ винтовокъ дозволили стрѣлять. Позволили. Собралось видно человѣкъ до пятнадцати и пошли по берегу къ лебедямъ подходить. А тѣхъ цѣлое стадо спитъ на водѣ, какъ снѣгъ бѣлые. Шаговъ на триста слишкомъ подпустили лебеди. А тамъ подняли шеи, летѣть приготовились. Солдаты сейчасъ стали на колѣни, приложились, да по командѣ и выстрѣлили разомъ.

И захлопали лебеди по водѣ своими огромными крыльями. Они тяжело поднимаются, съ всплескомъ, съ шумомъ. Закричали, запѣли и пошли вдоль озера надъ самой-то водой къ тому берегу. Ну одного задѣло: поднялся было онъ тоже, да не осилилъ, упалъ назадъ и сталъ биться. Потомъ и затихъ совсѣмъ. Сейчасъ одинъ охотникъ половчѣе раздѣлся — за нимъ. Озеро глубокое, яминой, все вплавь пришлось. Только что на немъ легче плыть, нежели на рѣкѣ, гдѣ

прѣсная вода, потому соленая вода тяжелѣе, она человѣка наверхъ выпираетъ. И ни чѣмъ вода солонѣе, то легче плыть.

Доплылъ стрѣлокъ до лебедя, а тотъ ужъ кончился. Онъ за него уцѣпился руками да съ нимъ такъ и поплылъ назадъ, какъ за ведро держится.

И что за чудесная эта птица лебедь. Сколько въ ней красоты, мы дивились. Весь-то онъ бѣлый, ни одной крапинки на немъ нѣтъ, перо серебромъ отливаетъ. Крылья—сажень маховая. И крыло у него страсть сильное. Ежели начнетъ онъ крыломъ бить, изобьетъ совсѣмъ. И какъ устроена птица: вѣчно она на водѣ живетъ. Взять если гуся, или утку—тѣ, какъ ночь, сейчасъ на берегъ; кормиться—на поле летятъ. А лебедь все на водѣ. На водѣ кормится, на водѣ спитъ, на водѣ и гнѣздо себѣ вьетъ. Опять тоже у нихъ дружба какая, у лебедя съ лебедыней: какъ сошлись они разъ, такъ всю жизнь парочкой и живутъ, да какъ любезно,—цѣлуются, разговариваютъ, шеями перевьются, обнимаются. Когда лебедыня на гнѣздѣ сидитъ, лебедь всегда рядомъ съ ней, бокъ обокъ. А для другой птицы лебедь очень золъ. Къ нему ужъ утка или гусь не подплывай—такую встрепку дастъ, упаси Боже. Да и между лебедями дружбы нѣтъ. Чуть что—сейчасъ драка. А на одинокую пару посмотрѣть—задивуешься какъ живутъ.

16. Солонцы.

Отъ озера пошла все таже степь глинистая, полынная, только что еще голѣе. Коли сухо—идти по ней ничего, ладно, а вотъ ежели маленькій дождичекъ ударитъ, хуже нѣтъ. Глину съ самаго сверху распуститъ—нога такъ и ѣздитъ: ты хочешь впередъ, а нога назадъ съѣзжаетъ. Особенно верблюды намаялись. Пятки у нихъ широкія, гладкія, они словно по гололедицѣ и идутъ. Ревутъ, стонутъ, кричатъ, который упадетъ—бѣда съ ними по такой дорогѣ!

А тутъ еще не простая глина, а солонецъ, такъ еще хуже—скользко бѣда какъ. Солонцы тутъ сплошь пошли на нѣсколько переходовъ. Съ весны, когда снѣга стаютъ и дожди идутъ, тутъ въ каждой колдобинѣ озерко. Вода въ нихъ соленая и горькая страсть какая,—ни одна скотина пить ее не станетъ. Озерки эти другой разъ на много верстъ тянутся. А потомъ, какъ настанетъ лѣто, высохнутъ всѣ эти озерки и посверхъ [земли] соль проявится. Такъ земля ей и покрыта, словно снѣгъ тутъ лежитъ, али мукой засыпано. Только соль тутъ нечистая, а въ ней подмѣси разной много: въ ней горькой соли много, есть англійская соль, есть бура,—съ того она и горькая, и ѣсть ее невозможно.

Какъ высохнетъ солончакъ, такъ мѣсто тутъ ровное—ровное станетъ, какъ укатано. Лошадь идетъ—слѣду отъ подковъ нѣту, очень твердое

оно когда сухое. А за то чуть дождичкомъ тронуло — и распустило сейчасъ, ходить по нему нельзя. И что значитъ земля тутъ разной солью пропитана: ни одной травки, ни одного растеньица нѣту. Словно какъ будто убита тутъ земля, да потомъ выметена начисто.

Очень для верблюдовъ эти солонцы вредны, когда ихъ распуститъ. Соль въ нихъ ѣдкая и у верблюда болѣзнь дѣлается — начинаетъ ступня гнить, и потомъ вовсе отпадаетъ.

Есть въ степи такіе солонцы, что во все лѣто не высыхаютъ вовсе, въ родѣ какъ озера. На тѣхъ киргизы соль собираютъ. Какъ начнетъ лѣтомъ вода въ нихъ усыхать, кругомъ берега соль и садится, какъ корка какая. Мы разъ доставали такой соли походомъ. У насъ своя соль вышла, такъ для варки пищи на озеро соленое посылали за солью. Ну она тоже нечистая, нѣсколько горчитъ, а все же для ѣды годится.

Самыя пустынныя эти мѣста — солонцовыя. Ни растетъ ничего, ни птицы не видать, и киргизы тутъ не кочуютъ. Станціи пошли больше землянки, да кибиточки. Въ землянкѣ зимой лучше, потому вѣтромъ не продуваетъ.

Останавливались мы на колодцахъ, потому кругомъ воды нѣту, чтобы ее пить можно было. А въ колодцахъ вода ничего — прѣсная.

Первый разъ мы немало подивились. Пришли на мѣсто, гладко все, ничего ровно не видать. Гдѣ же, молъ, колодцы то? Намъ и говорятъ:

— А вонъ ступайте вотъ такъ прямо.

Пошли мы. Смотримъ въ землѣ ямы вырыты одна возлѣ другой. Подошли ближе—это колодцы. Прямо какъ въ землѣ ихъ вырыли, такъ они и есть. Ничѣмъ не обнесены, ни сруба никакого нѣтъ. А глубина порядочная, сажени четыре или пять будетъ. Такъ сперва, какъ начнутъ таскать изъ нихъ воду, столько въ ней разной дряни—до пропасти. Ну а потомъ чище пойдетъ.

Такъ мы съ колодцевъ на колодцы и шли, все на полдень прямо подвигались. И чѣмъ ни дальше шли, все песку больше стало замѣтно.

Вышли мы какъ-то утромъ рано въ походъ, идемъ себѣ путемъ дорогой, кто-то и взгляни въ сторону, да и говоритъ:

— Смотрите-ка, ребята, чего это тамъ?

Мы глядимъ и сами не знаемъ чего. Спросили киргиза—онъ и говоритъ:

— Это сайгакъ.

Сайгакъ онъ на козу походитъ, только у него бороды нѣтъ и рога другіе. Ростомъ онъ будетъ человѣку по брюхо. Шерсть вродѣ какъ песочнаго цвѣта, изсѣра. Рожки небольшіе и не такъ, какъ у козы, назадъ загнуты, а кверху идутъ и расходятся врозь. У самокъ рогъ нѣту. Носъ у нихъ горбатый, толстый, ухо широкое.

Сайгаки большими стадами въ степяхъ живутъ. Бѣгать очень легки, только что долго не могутъ, устаютъ. У нихъ тоже коноводы есть,—самый сильный, здоровый самецъ всѣмъ ста-

домъ заправляетъ. Когда стадо пасется, онъ на часахъ стоитъ, караулитъ; а ежели ему лечь охота,—онъ другаго заставитъ стоять. Если что неладно, сейчасъ вожакъ собираетъ всѣхъ вмѣстѣ и побѣгутъ гуськомъ.

Смотримъ это мы на сайгаковъ, идемъ по дорогѣ, только вдругъ какъ шарахнутся они въ сторону, сбѣжались кучкой и стали, всѣ головы подняли, уши насторожили. Мы и глядимъ, что такое они увидали. А противъ нихъ двое киргизъ ѣдутъ. Сайгаки постояли такъ съ минутку, и схватились бѣжать отъ киргизъ. Тѣ за ними, гонятъ, кричатъ. Сайгаки пуще отъ нихъ. Бѣжали, бѣжали, добѣгли до бугра, да какъ кинутся разомъ въ сторону, да на насъ. А изъ за бугра за ними цѣлая партія киргизъ верхами. Мы и не видали, что они за бугромъ спрятались. А тѣ нарочно двоихъ послали, чтобы сайгаковъ на нихъ нагнать.

Какъ гикнутъ киргизы, ударили по лошадямъ и пошли въ догонку за стадомъ. Визжатъ, кричатъ, пугаютъ. Сайгаки на насъ съ перепугу кинулись, потомъ въ сторону. Пошла потѣха! Мы даже остановились, очень любопытно посмотрѣть. Сайгакъ легкій, какіе прыжки задаетъ, такъ и носится по степи. Ну и киргизы ловки: не даютъ стаду уйти и шабашъ. Чуть оно свернетъ, сейчасъ наперерѣзъ ему и ударятъ.

Гоняли такъ, гоняли, — сайгаки ужъ уставать начали. Какъ смѣтили это киргизы, за ними

ужъ въ одиночку бросились, кому за какимъ ловчѣе. Вотъ гонка была! Лошади у киргизъ отличныя, такъ и идутъ слѣдомъ за сайгакомъ. Одинъ ужъ очень ловокъ киргизъ былъ: какъ догналъ онъ сайгака, перекинулся съ сѣдла, да ногайкой его. А ногайка толстая—растолстая, пальца въ два изъ ремней сплетена, какъ желѣзная бьетъ. Такъ только два раза и ударилъ сайгака—сшибъ.

Мимо насъ кучка пробѣгла послѣ того какъ стадо-то разбили. Устали ужъ, такъ легонько попрыгиваютъ, издали видать будто переливаются на солнышкѣ. Одинъ изъ нашихъ солдатиковъ выпалилъ въ нихъ изъ ружья — ну далеко было очень, промахнулся.

Сайгаку въ степи жить просторно, а горя много онъ видитъ. Всякій его забижаетъ. Волки сколько ихъ загрызаютъ. Молодыхъ степные орлы таскаютъ. Лѣтомъ другой разъ бываетъ очень много слѣпней, такъ они до того одолѣваютъ сайгаковъ—бѣда. Искусаютъ всего, да подъ кожу ему яицъ своихъ и накладутъ, распухнетъ онъ и околѣетъ. А сколько охотники ихъ перебьютъ изъ ружей, да загонятъ собаками, или на лошадяхъ и счету нѣтъ.

Сайгакъ очень скоро къ человѣку привыкаетъ. Киргизы молодыхъ ловятъ, да живыми продаютъ господамъ. Мы такихъ пару ручныхъ видали: у офицера въ саду жили. Смирные вовсе. Протяни имъ руку, они сейчасъ къ тебѣ бѣгутъ, думаютъ хлѣба имъ даешь.

17. Начало песковъ.

Шли мы такъ три дня по солонцамъ. На четвертый день выступили рано. Съ вечера еще вчера пошелъ мелкій дождикъ, да такъ всю ночь и не переставалъ, съ того мы рано и вскочили. Дождикъ пересталъ, ну только сыро очень. Кизякъ весь мокрый сталъ, ничѣмъ не разожжешь его подъ котлами,—потому похлебки не варили, а только одну кашу пшенную съ саломъ баранимъ. Перекусили и двинулись.

Сказали, что станція будетъ тридцать пять верстъ. Ну, рано вышли, такъ думали что засвѣтло еще дойдемъ. Однако не то вышло. Шли мы цѣлый день, а все станціи нѣту. Съ полденъ должно песокъ начался. Только что его дождичкомъ промочило—идти не тяжело, онъ плотный.

Сперва песокъ мелкій былъ, точно его недавно надуло. А дальше пошелъ посердитѣй, ужъ бугорочки стали показываться, только легкіе, маленькіе. По степи кустики стали попадаться, мелкій кустарникъ. Ужъ вечеръ наступилъ, а мы все еще до станціи дойти не можемъ. Стали приставать. Будто какъ дождичекъ мелкій опять ударилъ. Темнѣетъ, солдаты жаловаться начали, что пристали. А песокъ, что ни дальше идемъ, все ростетъ. Дорога между буграми песчаными все глубже да глубже становится.

Совсѣмъ ужъ темно стало, едва дорогу видно, а мы все идемъ. Какъ никакъ — надо подтя-

нуться, до станціи плестись. Былъ у насъ одинъ ловкій такой солдатъ, бравый. На него хоть какая невзгода — все нипочемъ, никогда головы не повѣситъ, а все бодрится. Вотъ онъ видитъ, что солдаты совсѣмъ притихли и говоритъ:

— Давайте, ребята, пѣсни пѣть, чтобы подъ ногу—легче идти будетъ. За пѣснями и не увидимъ какъ до стоянки дойдемъ.

Послушались, запѣли. Пѣсни все такія выбирали, чтобы маршемъ идти. Спѣли мы:

Развеселые солдаты —
Однимъ словомъ молодцы!
Сколь на службѣ не трудятся,
На досугѣ веселятся.

Потомъ затянули:

Храбрые казаки
Въ дѣлѣ удальцы:
Гнаться, биться въ дракѣ —
Просто молодцы!

А тамъ завели деревенскую:

Ты прости, прощай, милая,
Прощай, радость жизнь моя!

Много разныхъ пѣсень спѣли — все наша невѣшай-головушка запѣвала. Ночь, темно вовсе, кругомъ пески, гдѣ станція не знаемъ, — а мы такъ толи пѣсенки распѣваемъ да маршируемъ подъ нихъ — любо дорого! Кончили пѣсни, а

нашъ хороводникъ этимъ не угомонился, еще выдумалъ:

— Теперь пѣсни погодимъ пѣть, а пускай намъ горнисты сыграютъ.

Повытаскалъ всѣхъ горнистовъ впередъ — играть заставилъ. Тѣ маршъ стали играть, а мы идемъ. Сколько вѣдь верстъ такъ отмахали шуточками. Ну, только что пороху все же не хватило. Бросили и пѣсни играть, а станціи все нѣтъ да нѣтъ. Сдѣлали привалъ. Я собралъ которые слабые были, да съ ними потихоньку и поплелся впередъ. Шли долго, да и думаемъ, что такое значитъ, колонна насъ недогоняетъ? Ужъ съ дороги не сбились ли?

Только слышимъ колокольчикъ къ намъ на встрѣчу—телѣга парой ѣдетъ. Мы кричать:

— Стой! далеко ли станція?

Намъ съ телѣги и отвѣчаютъ:

— Четыре версты.

Ну, молъ, слава Богу — недалеко. Недалеко-то недалеко, а мои слабые идти не могутъ. Я и велѣлъ имъ сѣсть около дороги, дожидаться солдатъ, а самъ съ другимъ солдатикомъ и пошелъ впередъ, сказать, чтобы верблюдовъ для слабыхъ выслали.

Едва мы до стоянки-то дошли. Темно, не видать ничего. Собьются, молъ, солдаты, мимо пройдутъ, потому станція въ сторонѣ отъ дороги. Мы и давай кверху головешки горячія кидать да кричать. Должно такъ близко часу время—идутъ

наши, ползутъ, — разбились ночью то. Стали считать—много людей нѣту. Меня и послали въ обозъ къ киргизамъ, чтобы троихъ верблюдовъ послать на дорогу—подобрать отсталыхъ.

Пошелъ я. Ходилъ ходилъ — не могу найти гдѣ киргизы стоятъ и шабашъ. Сейчасъ мимо ихъ сюда шелъ — теперь не найду. А ночь темная разтемная—ничего не видно, да еще вѣтеръ съ изморозью. Ушелъ на полсотню шаговъ отъ кибитки—и не видать ужъ ее. Взялъ я съ собой горниста съ трубой и пошли вмѣстѣ. Шли, шли, полѣзли на какую-то гору изъ песку, потомъ внизъ стали спускаться. Только что спустились —опять горка. Влѣзли — опять внизъ. Да все по песку. Кусты вездѣ растутъ, цѣпляешься за нихъ, спотыкаешься. Совсѣмъ сбились съ толку. Я и говорю:

— Пойдемъ назадъ, а то и мы собьемся.

Пошли назадъ — дороги не найдемъ. Ужъ хотѣли трубить, да увидали въ сторонѣ избушку— станція почтовая. Тамъ ужъ насъ и послали прямо къ киргизамъ. Больше часу видно ходили — искали. Едва оттуда назадъ вернулись.

Утромъ встали, смотримъ — совсѣхъ-то сторонъ наши отсталые идутъ къ стоянкѣ. А они, какъ легли возлѣ дороги, такъ и заснули. Верблюды мимо ихъ вплоть прошли — они и не слыхали.

Посмотрѣлъ я днемъ-то, гдѣ киргизы съ верблюдами стояли, такъ совсѣмъ смѣшно стало:

вовсе вплоть возлѣ насъ—четверть версты нѣту, а мы цѣлый часъ ходили! Вотъ, молъ, такъ начали по пескамъ походъ: съ утра до поздней ночи шли—все тридцать пять верстъ станція! Ужъ потомъ, года видно черезъ четыре послѣ того, стали всѣ станціи выравнивать, вымѣрять, такъ въ этомъ перегонѣ вышло пятьдесятъ верстъ. А мы ихъ за тридцать за пять дѣлали. Ничего!

18. Пески—Кара-кумы.

Тутъ только утромъ мы разглядѣли, что за мѣста новыя начались. Кругомъ шли пески и конца краю имъ не видно.

Песчаная степь не то что отмель песчаная. Отмель ровная, гладкая. А тутъ мѣсто все въ буграхъ, да пригоркахъ. Песокъ не лежитъ ровно, а его кучами да валами надуло. И идутъ эти бугры перекатываются, то будто шишка какая, то валомъ длиннымъ протянутся, то на откосъ похожи, то стѣной встанутъ,—словно волны какія въ бурю. Здѣсь эти бугры барханами зовутъ. Поверхъ бархановъ кустики ростутъ, кустарникъ жиденькій вьется, торчитъ изъ песку въ иномъ мѣстѣ кусточикъ осоки сухой, или травка какая, въ родѣ какъ нашъ тминъ,—вотъ и все тутъ.

Куда не оглянись—все одинъ песокъ желтый, мелкій, сыпучій, такъ и засыпалъ, и замелъ все, точно его нарочно сюда свозили. Дорога вьется

по барханамъ, съ бугра на бугоръ перевалива-етъ. То и дѣло что на верхъ лѣзешь, на барханъ, да опять внизъ сходишь въ ямину между бугра-ми. И сколь ты нейди тутъ, все будто по одному мѣсту идешь: и сзади, и спереди, и по сторонамъ все одинакіе бугры, одинакіе кустики, вездѣ-то одинъ песокъ....

И далеко тянутся эти пески. Поперекъ долж-но что верстъ сотню будетъ, а вдоль такъ и всѣ двѣсти насчитаешь. Эти пески киргизы Кара-кумъ зовутъ, по русски это значитъ, что «дур-ные пески».

Только что мы вышли со станціи на дорогу, по лѣвой рукѣ клабище киргизское стоитъ. Оно тутъ давно ужъ поставлено, когда еще песковъ здѣсь не было, — пескомъ его потомъ ужъ заду-ло. Кладбище въ степи гдѣ увидишь — оно да-леко примѣтно, если на ровномъ мѣстѣ стоитъ. Похоже точно городокъ какой, съ домами, съ мечетями. Киргизы надъ могилами памятники изъ глины дѣлаютъ. Коли бѣдный киргизъ, такъ надъ нимъ вродѣ какъ столъ большой выведутъ, а то сверху еще куполъ смажутъ. А если богатый— такъ надъ могилой часовню ставятъ, точно до-микъ какой съ куполомъ круглымъ, и кругомъ зубчатой стѣнкой обнесутъ. Каждый киргиз-скій родъ свои погосты имѣетъ, тутъ ужъ всегда и хоронятъ покойниковъ. У нихъ кладбища ка-кія есть древнія. И чѣмъ древнѣе, тѣмъ на немъ больше памятниковъ такихъ настроено.

Ежели помретъ какой важный человѣкъ у нихъ, то надъ его могилой ставятъ жердь высокую и на верхушку конскій хвостъ привязываютъ.

Смотримъ мы на эти ихъ мазарки, а одинъ солдатъ и говоритъ:

— Вонъ въ этой большой мазаркѣ я въ гостяхъ былъ, тамъ и ночь ночевалъ.

Мы и спрашиваемъ его:

— Какъ такъ ночевалъ?

Онъ и сталъ разсказывать:

— Такъ и ночевалъ. Я было сперва возлѣ дороги легъ да и заснулъ. Холодно стало, я проснулся и пошелъ по дорогѣ станцію искать. Шелъ, шелъ—нѣту станціи. Только вижу дома какіе-то, я къ нимъ. Смотрю — дверь. Вошелъ я туда, а посрединѣ тамъ точно столъ или кровать какая сдѣлана. Ладно внутри-то, вѣтромъ не дуетъ, я и легъ. Утромъ ужъ какъ всталъ, разобралъ что я на кладбищѣ въ мазаркѣ ночевалъ. А спалъ я на могилѣ—изъ глины вымазана внутри мазарки. Вотъ спасибо киргизамъ, что покойникамъ дома строятъ — покрайности солдату спать есть гдѣ дорогой.

Мы посмѣялись тогда:

— Солдату все на пользу. И кладбище мимо не пройдетъ, — къ покойникамъ идетъ какъ въ казарму спать!

Потянулись мы съ этими разговорами по пескамъ. Тяжело по нимъ идти. Въ другомъ мѣстѣ

песокъ плотный, такъ ничего еще; а какъ попадешь на сыпучій — тутъ очень трудно. Нога вязнетъ, тонетъ въ пескѣ-то, ерзаетъ; песокъ днемъ солнце нагрѣетъ—горячій, сапогъ жжетъ. Пыль подымется, и въ глаза, и въ ротъ, и въ носъ лѣзетъ, бѣда какъ душно!

Да что люди, лошади и тѣ головы повѣсили, еле ногами двигаютъ. Главное — духота, во рту пересохнетъ, а воды нигдѣ нѣту ни единой капельки. Вотъ въ такихъ мѣстахъ верблюды очень хороши. Ступня у него широкая, въ пескѣ не тонетъ и жаръ его не такъ душитъ какъ другую скотину. Онъ и идетъ себѣ тѣмъ же шагомъ, что по гладкому мѣсту. И опять кормъ для него тутъ есть, даромъ что пески. Пусти его — онъ и пошелъ по барханамъ ходить, кустики обгрызывать.

Въ этихъ пескахъ очень ужь лѣтомъ тяжко бываетъ. Солнце тогда страсть какъ печетъ, песокъ накалится точно плита чугунная, пить бѣда хочется. Люди въ лѣтнее время большія мученія терпятъ.

Въ этихъ пескахъ на почтовыхъ станціяхъ лошадей мало держутъ, а больше верблюдовъ. Потому лошадь лѣтомъ кормить нечѣмъ. Все повыгоритъ, какая травка съ весны выростетъ — ее всю солнце сожжетъ. А безъ корму лошади нельзя; киргизы верблюдовъ и завели.

Смѣялись мы не мало, какъ увидѣли эту ѣзду. Ѣдетъ тарантасъ почтовый, какъ слѣдуетъ, и съ

верхомъ и со всѣмъ приборомъ, а вмѣсто лошадей тройка верблюдовъ впряжена: одинъ въ корню, а двое на пристяжкахъ. Ямщикъ не то чтобы на козлахъ, а на коренномъ сидитъ верхомъ, правитъ, подсвистываетъ да ногайкой только нахлестываетъ. Чудно! Верблюды большенные, выше тарантаса, знай подпрыгиваютъ.

Только шибко на нихъ тоже невозможно тутъ ѣхать, потому очень дорога тяжела. Сперва-то побѣгутъ, а тамъ застонутъ и пойдутъ шагомъ, по четыре версты въ часъ—вотъ такъ почтовая ѣзда! А что сдѣлаешь?. .

Очень ужъ тоскливо по пескамъ идти. Словно тутъ повымерло все — ни птицы не увидишь, ни звѣря, ни человѣка. Только что развѣ ястребъ пролетитъ мимо, ящерицы по песку бѣгаютъ, да ночью гдѣ нибудь завоетъ бѣглый волкъ. По почтовой дорогѣ только русскіе ѣздятъ. Киргизы ѣздятъ безъ дороги, на прямки; а если съ караваномъ идутъ, такъ у нихъ другая дорога, караванная, по краю песковъ идетъ.

Да еще ладно, какъ если тихо. А вотъ бѣда, когда вѣтеръ подымется. Подыметъ онъ песокъ, понесетъ, закрутитъ его, такъ и занесетъ тебя всего. Лицо пескомъ колетъ, глазами смотрѣть нельзя, песку набьется и въ ротъ, и во всякое мѣсто—то есть совсѣмъ дрянно, ничѣмъ не скроешься отъ него. Если вѣтеръ сильный, такъ онъ такъ и несетъ песокъ, какъ мятель какая. Этимъ-то

манеромъ песокъ и передуваетъ съ мѣста на мѣсто, и заноситъ новыя мѣста.

Киргизы много мѣстъ и теперь еще помнятъ, что на ихъ памяти замело пескомъ. Прежде трава была хорошая, скотины сколько кормилось, а потомъ надуло песку. А ужъ куда онъ попалъ, отъ него не открестишься — все занесетъ, все засыпетъ, и станетъ тутъ такая же песчаная степь какъ и Каракумы. Вѣтры тутъ все больше въ одну сторону лѣтомъ дуютъ, отого пески такъ изъ году въ годъ и подвигаются все впередъ, все дальше идутъ, новыя мѣста захватываютъ.

19. Колодцы.

Въ пескахъ переходы отъ колодца до колодца дѣлать приходится, потому другой воды нѣту. Колодцы не часто роютъ, верстъ на тридцать, на тридцать пять, рѣдко ближе, потому всякій наровитъ поскорѣе пески пройти, да и колодцы тамъ содержать трудно.

Вырыть его на всякомъ мѣстѣ можно, да сберечь хитро. Чуть что—пескомъ и задуетъ, а на дорогѣ кому охота его чистить да беречь.

Такъ намъ и пришлось станціи порядочныя ломать. Дорога шла то песками, по барханамъ, то выходила на солонцовую степь. Такъ мы шли дня три или четыре. Что ни дальше идемъ все песковъ больше, все чаще сыпучій песокъ попадается. Помнится одна станція выдалась, такъ

на ней сплошной песокъ десять верстъ тянулся. Помаялись мы тутъ! А главное съ телѣгами напасть была. По песку везти ее тяжело, верблюды измаялись, да какъ на грѣхъ хозяинъ перемѣнился, снаровки еще не знаетъ, да и верблюды у него непривычные. Пойдетъ верблюдъ въ телѣгѣ съ четверть версты и ляжетъ. Хозяинъ его сейчасъ выпряжетъ, другого впряжетъ изъ подъ вьюка. И другой также—пойдетъ и ляжетъ. Опять перепрягать, бѣда намаялись съ ними!

Пришли мы на станцію, а возлѣ нея колодцевъ нѣтъ: они за три версты въ пескахъ. Мы туда. Такъ даромъ что недалеко до колодцевъ было, а на этихъ трехъ верстахъ мы измучились хуже чѣмъ за всю станцію. Такого песку еще не видывали: нога въ него по щиколку тонетъ, такъ тяжело идти — страсть. Пойдемъ-пойдемъ съ полверсты, да и сядемъ отдыхать, идти дальше не можемъ.

Колодцы вырыты были въ котловинѣ между барханами, штукъ съ пять ихъ тутъ было. Колодцы никогда не роются по одному, потому воды въ нихъ не хватитъ. Какъ вычерпалъ всю, то и дожидайся цѣлую ночь, когда новая набѣжитъ. Пескомъ ихъ тоже очень заноситъ. Колодцы разной глубины бываютъ: другой разъ на три сажени, а то и на двѣнадцать. Если очень глубоки колодцы, такъ около нихъ блокъ на столбѣ строютъ и воду верблюдами выкачиваютъ. Привяжутъ веревку отъ ведра къ сѣдлу,

перекинутъ черезъ блокъ, а потомъ и ведутъ верблюда прочь отъ колодца — онъ и вытягиваетъ ведро.

Тамъ, гдѣ мѣста не вовсе песчаныя выходили, а попадалась и глина, особое дерево ростетъ степное — саксаулъ зовется. Есть мѣста такъ этого саксаула цѣлые лѣса идутъ. Ростетъ лѣсъ въ безводныхъ степяхъ, такъ онъ на наши лѣса и не походитъ нисколько. Саксаулъ выше не бываетъ какъ двѣ сажени ростомъ, а толщиной въ полъаршина. Стволъ у него корявый, съ узлами, изогнутъ весь, и коры на немъ нѣтъ. Вѣтки тонкія ростутъ, вродѣ какъ у ивы. Листья крохотные, и не разглядѣть ихъ. Стоитъ голое дерево, точно у насъ ивнякъ зимой. Саксаулъ ростетъ очень туго: въ поларшина толщиной онъ не раньше выростетъ какъ годовъ черезъ двѣсти.

Саксаулъ рубить топоромъ нельзя — онъ какъ желѣзный, топоръ обломать можно. А ударь по нему обухомъ покрѣпче—весь разлетится на куски. Если въ воду его бросить—потонетъ, очень тяжелъ. А горитъ такъ, что ни одному дереву противъ него такого жару не дать. Отвели мы тутъ душеньку, послѣ навозу-то. Одно только что около дороги саксаулу мало, весь пожгли.

Прежде, какъ песковъ мы не видали еще, такъ очень дивились, что въ пескахъ киргизы кочуютъ со стадами. А какъ побывали въ нихъ, такъ разобрали въ чемъ дѣло. Пески не сплошь идутъ, а полосами. Между ними луга по-

падаются, на которыхъ мелкая осока ростетъ. Весной на этихъ лугахъ лучше корму не найти. Оттого киргизы здѣсь и кочуютъ съ весны. А къ лѣту они или въ камыши забьются, или въ горы уйдутъ, тамъ скотину пропитываютъ.

20. Морской заливъ.

На одиннадцатый день отъ Уральскаго мы до моря добрались. Пески кругомъ него сильные, барханы такой вышины, какой еще мы не видали, и кустовъ больше. И какъ стали мы ближе къ морю подходить, такъ песокъ сырой сталъ и все мелкія ракушки стали попадаться.

Вышли какъ мы на море, такъ насъ вѣтромъ и ударило. Тутъ не самое море, а его заливъ только. Море дальше за заливомъ, черезъ сто верстъ начнется. Аральское море небольшое, его часто озеромъ зовутъ. Вдоль оно всего на триста верстъ идетъ, а поперекъ на двѣсти пятьдесятъ. Море оно пустынное. Ни промысла на немъ никакого нѣтъ, ни жительства. Ѣздили на острова на его, такъ говорили, что самыя пустынныя мѣста, кромѣ птицы ничего на нихъ нѣту. По берегамъ затоны, да болоты камышомъ поросли. И очень это море бурное. Какъ наши Хиву взяли, такъ стали ѣздить по морю на рѣчныхъ пароходахъ. Сказывали солдаты, что какъ въ море они выѣхали, то и начался вѣ-

теръ, качка поднялась, пароходъ совсѣмъ закачало.

Да и въ то время какъ мы на заливъ вышли на немъ очень свѣжо было. Заливъ этотъ не больно широкій, всего верстъ двадцать пять будетъ, а до моря сто верстъ. Берега у него тутъ высокіе: и на право и на лѣво горы видны. Вода зеленаго цвѣта. И какъ эти валы расходились по заливу тогда! Высоко-высоко подымаются они, бьются, пѣнятся. А вдаль смотрѣть и глазомъ невидно. Такъ точно что синѣется тамъ, и не разберешь—море ли, небо ли, они вмѣстѣ слились.

Мы не на самомъ заливѣ остановились, а полѣвѣе, на затончикѣ небольшомъ. Онъ за вѣтромъ, на немъ тихо. По берегу ива ростетъ, травка. Утокъ много тутъ плаваетъ. Попробовали мы воды—горькая, пить нельзя. А колодцы далеко, версты за двѣ въ пескахъ—туда верблюдовъ за водой съ боченками посылали.

Утромъ поднялись мы—ничего невидно: все туманомъ застелило. И такой туманъ, за десять шаговъ уйди отъ человѣка и потерялъ его. Только по голосу и искали кого нужно.

21. Камышевое озеро.

Двѣ станціи тяжелыхъ прошли мы отъ моря по пескамъ и добрались до камышеваго озера.

Прежде это озеро съ моремъ соединялось, а

потомъ пересохло, разбилось на нѣсколько и все кругомъ камышомъ поросло. Съ весны всѣ озерки вмѣстѣ между собой соединяются, а какъ наступитъ лѣто, многія отойдутъ отъ главнаго озера, а нѣкоторыя такъ совсѣмъ высохнутъ.

Солдаты какъ пришли, то сейчасъ въ камыши забрались, въ нихъ и расположились. Тутъ дневку намъ дали. День теплый выбрался, дровъ—саксаулу много кругомъ; нарѣзали камышу на ростопку и занялись своими дѣлами. Сейчасъ это давай изъ камыша чубучки дѣлать, двое дудки-сапѣлки состроили и давай пѣсни наигрывать. Однимъ стоянка тутъ была не хороша: вода въ колодцѣ горькая.

Камышевое озеро отъ стоянки версты двѣ или три было. Озеро очень большое и около береговъ отмели большія. И сколько на немъ дичи сбилось — я никогда столько не видывалъ. Тутъ вся птица перелетная собралась. Утки, гуси, лебеди, цапли, журавли, кулики, всѣ тутъ сбились вмѣстѣ, летаютъ, плаваютъ, бѣгаютъ, кричатъ, дерутся. Шумъ идетъ на озерѣ отъ крика бѣдовый. Тутъ я первый разъ видѣлъ, какъ перелетная птица въ стада собирается.

Пошелъ я назадъ по болотцамъ утокъ стрѣлять, да и наткнулся на стадо: коровы, лошади, верблюды ходятъ. Я съ пастухомъ и разговорился. Онъ мнѣ и разсказалъ:

— Мы тутъ кочуемъ теперь, потому по болотамъ травка есть. А къ зимѣ сюда много киргизъ

наберется, тутъ зимовать будутъ въ камышахъ. На зиму киргизы всегда или къ горамъ уходятъ, гдѣ у нихъ зимовки состроены, или въ камыши забираются. Зимой у нихъ одна забота — стада прокормить. А кормится скотина такимъ манеромъ: впередъ верблюдовъ пускаютъ пастись; они-и съѣдятъ ту травку или кусточки, что изъ снѣгу торчатъ. Потомъ лошади пойдутъ. Лошадь снѣгъ копытомъ разгребаетъ и ѣстъ траву. Послѣдними овцы идутъ. Эти до самой земли копытцами снѣгъ разчистятъ и ужъ самую мелкую травку сгрызутъ. Это у нихъ тебенёвкой называется.

Если зима не больно сердита, такъ скотъ тебенюетъ ладно. А другой разъ подымутся вьюги, бураны, такъ скотинѣ очень трудно бываетъ. Снѣгу навьетъ много, до травы трудно дорыться, да и холодъ донимаетъ скотину. Отощаетъ баранъ, кормиться ему нечѣмъ, онъ по вѣтру по степи и идетъ. Такъ его бураномъ и гонитъ, и гонитъ. Сколько такъ овецъ пропадаетъ, и не счесть!

А то оттепель ударитъ, а потомъ заморозитъ. Вся степь настомъ покроется, — опять для скотины бѣда: настъ она пробить не можетъ, такъ съ голоду и гибнетъ. Это у нихъ джутъ зовется. Такъ другой разъ такія зимы бываютъ, что отъ стадъ у киргиза и четверти не останется къ веснѣ-то.

Потому они къ камышамъ и держутся. Въ нихъ

и вѣтру нѣтъ, и на случай голода хоть камышомъ можно прокормить скотину. Да и самимъ-то въ камышахъ легче—и тихо, и топливо есть. Опять возлѣ камышеваго озера кругомъ пески, это имъ на пользу: зимой скотинѣ снѣгъ легче разгребать на пескѣ, ничѣмъ на другомъ мѣстѣ.

22. Послѣдніе дни въ степи.

Въ два послѣдніе перехода до города Казалинска мѣста совсѣмъ перемѣнились. Пески остались ужъ сзади, началась хорошая степь по невысокимъ холмамъ. Трава, кустарникъ, кое гдѣ деревца ростутъ; вездѣ аулы киргизскіе видно, скотина пасется. Дорога тутъ ровная, накатанная. То и дѣло киргизы попадаются, кто на чемъ: одинъ на лошади, другой на верблюдѣ, третій на быкѣ.

Быки у нихъ отлично выѣзжены подъ сѣдломъ; рысью бѣгаютъ нехуже лошади, легко, ровно. Вмѣсто уздечки киргизы быку въ ноздри кольцо деревянное продѣваютъ, къ нему веревку привяжутъ и правятъ, какъ верблюдомъ. Вотъ тутъ поди и говори, что «къ коровѣ сѣдло не пристало»!

Послѣднюю ночевку мы возлѣ ауловъ сдѣлали. Степь тутъ травяная, въ колодцахъ вода не хуже родниковой. Ночь не холодная была, за день не устали, такъ спать и не охота было. Мы полегли это на кошму и давай болтать объ чемъ

Богъ приведетъ. Половину дороги до Ташкента сдѣлали, тысячу сто верстъ прошагали; самую трудную степь прошли, теперь ужъ полегче будетъ, да и русскія поселенія начнутся. Такъ-то за разговорами и не видали какъ ночь спустилась.

А ночи въ степи пречудесныя! Воздухъ свѣжій, чистый. Тихо такъ кругомъ. Небо темное темное, большое, все-то звѣздочками усыпано. У насъ рѣдко такія ночи бываютъ. Потому тамъ воздухъ очень чистый и облаковъ нѣту. Какъ ляжешь это бывало спать, взглянешь на небо, такъ даже на удивленье какая красота. Таково то звѣздочки эти свѣтло горятъ, да переливаются разными цвѣтами, — все бы на нихъ смотрѣлъ и не заснулъ бы!

Особенно если кто разсказывать можетъ про звѣзды, да про небесное творенье, совсѣмъ заслушаешься: какъ какая звѣзда называется, да какъ она ходитъ, и гдѣ въ какіе часы бываетъ; какъ по звѣздамъ путь держать, время узнать,— очень любопытно.

Въ степи кто живетъ онъ больше примѣчаетъ, нежели городской человѣкъ, и на землѣ, и на небѣ. Вонъ на киргиза посмотрѣть, какъ онъ свою степь знаетъ! Днемъ если онъ ѣдетъ, то мѣста замѣчаетъ,—по мѣстнымъ примѣтамъ путь держитъ. Онъ степь и вдоль, и поперекъ знаетъ. Маленькій какой бугорочекъ, лощинка, или овражекъ какой — онъ ужъ не ошибется. Дорожекъ пробитыхъ въ степи видимо не видимо: и туда,

и сюда, и въ бокъ, и прямо, и въ разныя стороны,—а онъ ни зачто не собьется. И все прямикомъ ѣдетъ, по вороньи, краткимъ путемъ. Если не знаетъ какого мѣста, спроситъ встрѣчнаго, тотъ рукой разъ показалъ куда ѣхать—кончено, приведетъ прямехонько, точно по дорогѣ.

У него вездѣ примѣта. На землѣ не видать ничего—онъ по солнцу ѣдетъ, а ночью по звѣздамъ. Если съ караванами они ходятъ, то вожаки ночью только по звѣздамъ и ведутъ караванъ, прямо безъ дороги.

На завтра станцію—мы скоро сдѣлали. Перевалили черезъ холмъ небольшой, вышли на ровное мѣсто, стало ужъ и Казалинскъ видно. Какъ завидѣли мы русскія мельницы-вѣтрянки, — ну, молъ, слава Богу, наконецъ степь прошагали, полъпути сдѣлали....

Ну вотъ, братцы, я про степь и разсказалъ вамъ что зналъ и что видѣлъ въ ней на походѣ.